

Лев Иванович Яшин

Записки вратаря

*Яшин Л. И. Записки вратаря: Библиотека журнала «Огонек»;
Москва; 1976*

Аннотация

Воспоминания великого спортсмена-футболиста – Льва Ивановича Яшина.

Содержание

Вместо предисловия	6
Поколение взрослых детей	8
Выбор	17
Новые птицы – новые песни	34
Романтика уволена?	45
Судьбы и люди	55
Видимые и невидимые миру слезы	75
«Матч века»	92
Время новых надежд	106

Лев Яшин

ЗАПИСКИ ВРАТАРЯ

Имя Льва Яшина хорошо известно любителям футбола. Он родился в Москве в 1929 году. В 1943 году, еще не закончив семилетки, пошел работать на завод, получил специальность слесаря, а затем освоил ряд

других рабочих профессий. В футбол стал играть в заводской команде, а первые серьезные тренировки начались в годы военной службы. В 1949 году Яшин был принят в состав московской команды «Динамо», цвета которой защищал всю свою спортивную жизнь, без малого четверть века.

В 1954 году Льва Яшина включили в состав сборной СССР, и он на пятнадцать лет стал ее бессменным вратарем. Яшин – чемпион Олимпиады 1956 года в Мельбурне, участник сборной команды, завоевавшей Кубок Европы, обладатель бронзовой медали чемпионата мира 1966 года, многократный чемпион СССР. В 1963 году заслуженный мастер спорта Лев Яшин был признан лучшим футболистом Европы. Трижды ему вручался Кубок «Огонька», как лучшему вратарю страны. Покинув в 1971 году футбольные ворота, он стал начальником московской команды «Динамо», а ныне работает заместителем начальника отдела футбола и хоккея Центрального совета общества «Динамо».

Коммунист Лев Иванович Яшин окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Он кавалер ордена Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени и медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вместо предисловия

Спорт открыл миру многих выдающихся людей. Разные они, эти люди, явления – «человек-гора», «человек-молния», «человек-дельфин», «человек-птица». В прозвищах этих выражено удивление перед сотворенным природой чудом и преклонение перед теми, кто не похож на нас смертных.

Не могу пожаловаться на то, что спортивная слава обошла меня стороной. И писали обо мне тоже немало. Но никогда не доставалось на мою долю эпитетов вроде «человек-птица» или «человек-тигр». И это справедливо. Я к категории феноменов не принадлежу. Никогда ноги не хотели подбрасывать меня в воздух сами, наоборот, всякий раз, отталкиваясь для очередного прыжка за мячом, я ощущал, как велика сила земного притяжения. Никогда мяч не лип к моим вратарским перчаткам сам, наоборот, нас с ним всегда связывали отношения, какие связывают дрессировщика с коварным и непокладистым зверьком.

Так что если мое имя и осталось в футболе, то обязан я этим не матери-природе и не счастливым генам. Не им – тогда чему же?

Дать всеобъемлющий ответ не просто. Наверное, прежде всего тем, кто составлял среду, в которой я рос

и воспитывался, кто учил меня работать и играть в футбол. Обязан обстоятельствам, сделавшим мою жизнь такой, а не иной. Наверное, самому себе я тоже обязан, потому что, трудясь, не страшился измазать руки, не кривил губы от солевого рабочего пота, не стеснялся признаваться себе в собственных слабостях и собственном несовершенстве. Короче говоря, если я и достиг чего-то в спорте, то шел к этим достижениям тем же путем, что идет каждый мастеровой человек. И это мне дороже всего.

Не стану утверждать, что все, что принес мне спорт, я не ценю – победы, рукопожатия друзей, орации переполненных стадионов, автографы, пресс-конференции, медали, толпы у отелей крупнейших городов мира, далекие аэропорты, вспышки блицев при выходе из самолета, стрекот кинокамер за воротами, светящиеся восторгом и завистью глаза мальчишек.

Все это доставило много счастливых мгновений, навсегда сохранилось в памяти. Но если бы память сохранила только эти блески и не сохранила другого, главного – соленого пота и трудовых мозолей, честное слово, я не стал бы братья за перо.

Поколение взрослых детей

Мне посчастливилось участвовать в четырех первенствах мира, выступить в составе команды, выигравшей Кубок Европы, играть в знаменитом «матче века», и на мой прощальный матч собрались самые крупные звезды мирового футбола. Только о каждом из этих событий, исключив все остальные, участником или свидетелем которых довелось мне быть, можно было бы написать объемистую книгу. Но вот странная вещь: многие детали той, еще не написанной книги стерлись, а детство – рядовое детство рядового мальчишки, где только и есть, что школа, уроки, каток, казаки-разбойники, футбол, лапта, разбитый нос и порванные ботинки, детство, где и покупка дерматинового мяча в складчину считалась праздником, – детство это стоит у меня перед глазами, словно прожито оно только вчера.

Думаю я, что произошло это потому, что слишком коротким оно было, детство моего поколения, ребят, родившихся в конце двадцатых годов. Мальчишки и девочки моего поколения учились на токарей, нянчили маленьких братишек и сестреночек, стояли в очереди за хлебом, мечтали о побеге на фронт и лишнем куске рафинада. Мы приносили домой полочки и рабочие кар-

точки. Мы забыли, что есть на свете футбольные мячи и что все мальчишеское племя делится на «казаков» и «разбойников». Нас одолевали взрослые заботы.

С детством нам пришлось расстаться задолго до срока. Тогда мы этого не понимали, а теперь я часто вижу себя маленьким, даже иной раз во сне вижу. Проснешься и думаешь: эх, пожить бы во сне еще хоть часок... Но нет, приказ будильника, заведенного с вечера, звучит резко и категорически: пора вставать, товарищ Яшин, пора вставать, 46-летний отец семейства, заместитель заведующего отделом футбола славного общества «Динамо» и «проч. и проч.». Пора вставать, потому что тебя ждут десятки больших и мелких обязанностей, встреч с людьми и еще многое, о чем ты начинаешь думать, не успев как следует глаз открыть.

Впрочем, и тогда, почти тридцать лет назад, меня заставляли вскакивать по утрам с постели дневные дела и заботы. Их было так много, что не хватало суток. Наш дом, как любой дом, населенный рабочим людом, был полон ребятни. Дом этот принадлежал заводу «Красный богатырь», где работали все его обитатели, в том числе и мать, тетки, дядьки, жившие одной большой семьей со всем своим потомством в одной трехкомнатной квартире первого этажа.

Меня не слишком обременяло это многолюдье. Придя из школы и бросив в угол портфель, я мчался во двор. Обыкновенный и вместе с тем удивительный

двор, где всегда тебя ждало что-то новое и неизведанное. В одном из сараев была оборудована голубятня, где мы с отцом держали голубей.

Двор вообще был заполнен сараями. В них мы устраивали тайные совещания перед началом военных действий с соседними домами, в них кое-кто покуривал в рукав. В них мы делали маленькие железные пистончики, которые потом подкладывали на трамвайные рельсы. Пистоны взрывались под колесами автоматной очередью, разъяренный вожатый выскакивал из кабины, а мы, спрыгнув с подножек, мчались врассыпную. Надо было только добежать до ближайших ворот. Уж там, в лабиринте богородских проходных дворов, мы были неуловимы.

Зимой покатые крыши сараев служили нам трамплинами, с которых мы прыгали на лыжах. Падали, ушибались, набивали огромные синячищи, но зато учились крепко держаться на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом.

В середине двора была у нас довольно большая вытопанная сотнями ног площадка. Летом она служила нам футбольным полем, зимой – катком. Мы делали каток сами. Приносили из дому саночки, доставали из сарая деревянную кадушку и возили от колонки, что стояла на другой стороне улицы, воду. Каток, понятно, получался плохонький, но коньки кое-как скользили, и ладно.

...Теперь, бывая у родных на Миллионной, я с грустью смотрю на старый наш двор. Нет, он не пришел в запустенье, наоборот, стал красивей и нарядней. Лавочки, газончики, песочницы, столики. Нет больше сараев, заборов, пустырей. И нет мальчишеских ватаг. И жители первых этажей довольны: мяч, пущенный шальной ногой, не угодит в стекло. Вроде бы порядок. А мне грустно. Ну что это за мальчишка, думаю я, которому негде наставить себе шишку, разбить нос, устроить засаду, погонять мяч? Что это за мальчишка, который не лазает по деревьям, не перескакивает через заборы, не умеет делать снежных крепостей?

Мне грустно, когда я вижу ребят, облепливающих дворовые столики, за которыми чинно, с сигаретками в зубах посиживают взрослые, ведя степенную игру в «козла» или в «дурачка».

Мальчишки стоят у них за спинами или подсаживаются с краешка лавки, смотрят, проникают в тайны «тихих» игр.

Не знаю, может, я и не прав, но непомерно большой травматизм молодых футболистов теперешнего поколения, их какую-то незащищенность от повреждений я связываю с этими вот ухоженными и благоустроенными дворами. Растяжения и разрывы мышц, мениски и вывихи стали рядовым делом в футболе, Чуть ли не половина молодых игроков что-то залечивает. Всегда у нас кто-то пропускает игры. Они мало бегали, пры-

гали, дрались, играли в футбол, катались на коньках, взбирались на деревья в детстве, и теперь расплачиваются за это недостаточно сильными, упругими и эластичными мышцами, недостаточно прочными становыми хребтами, недостаточно уверенной координацией движений, недостаточно крепкими нервами. У них повышенная боязнь ушибиться при столкновении и неумение в последний миг от этого столкновения уйти. Мы же, дети, выросшие в довоенных дворах, прошли эти науки совсем маленькими, прошли, хотя никто не понукал нас к тому специально, прошли с удовольствием, играя.

Нет, я не против благоустройства, которое отличает современные дома и дворы. Я против того, что в заботах о благоустройстве забывают о подростках. Обо всех от мала до велика помнят – о детишках ясельного возраста и пенсионерах, о любителях настольных игр и домохозяйках, а о подростках забывают. Но для нормального развития мальчишки – физического, психического, нервного, даже умственного – мальчишеские забавы необходимы и обязательны. И что-то делать надо, чтобы мальчишкам эти забавы вернуть.

Я говорил, что помню свое детство в мельчайших подробностях. А вот был ли у нас в школе урок физкультуры, хоть убей, – не помню. Зала уж точно не было. А вся наша физкультура состояла в том, что, как только станет потеплее, выскакивали мы буйной ватагой во

время большой перемены в школьный двор и до звонка гоняли в футбол. Школа моя и сейчас стоит себе, жива-здоровая. И по-прежнему – без спортзала. Так что, думаю, и нынешним школьникам нелегко будет после припомнить, была ли у них физкультура. А ведь нынешним мальчишкам вообще негде подвигаться. Стадион не у всякого под боком. И в секцию попасть не так просто. А двор – вот он рядом, хоть десять раз в день туда выбегай. Только что там делать парню? Фактически двор у него отняли...

В начале лета 1941 года мы с матерью, как всегда в каникулы, поехали в Поляны, в деревеньку неподалеку от Подольска, где жили наши родные и где меня ждали три прекрасных месяца – рыбная ловля, полный лес грибов, походы в ночное... Но через несколько дней мать приехала за мной и увезла в Москву. Началась война.

Всю нашу школу вывезли в лагерь, под Воскресенск, километров за сто от Москвы, подальше от бомбежек. Мы еще не понимали истинного смысла этого слова: «война». Мы с малых лет слышали его и ежедневно стократ повторяли сами, начиная очередную игру. И теперь еще продолжали относиться к войне, как к игре. Нетерпеливо ждали мы вечернего часа. Мы знали: вечером, выбежав на пригорок, увидим дальние вспышки, услышим, как взрываются бомбы и ухают зенитки. Мы боялись пропустить хоть один из этих вечерних

спектаклей – пропустишь, а тут все и кончится, разобьют врага, и не то что повоевать не придется, но даже не наглядишься, как следует на войну...

Фронт все ближе подходил к Москве. Дома готовились в дорогу. То и дело повторялось слово «эвакуация», слово, прежде незнакомое, впервые услышанное в те дни и ставшее вскоре таким же привычным, как «война», «фронт», «тыл», «отступление», «карточки». Семьи рабочих завода, где работал тогда отец, вывозили под Ульяновск. И вот наступил тот осенний день октября 41-го года, когда наш эшелон сделал последнюю свою остановку в степи, не доезжая Ульяновска, и мы стали разгружаться. Этот день я могу считать последним днем своего детства. Мне было в ту пору без малого двенадцать лет.

Ползимы мы таскали по снегу станки и устанавливали их в будущих цехах, прямо под открытым небом. Завод мы достраивали сами. Когда же выдавался свободный день, мы с отцом брали детские саночки и отправлялись в ближайшую деревню, километров за двенадцать. Уходили мы налегке – в санках лежали отобранные матерью вещички из тех, что не слишком нужны или из которых выросли мы с братом. Обратное же волокни тяжелый груз-выменянные на свое барахло картошку, брюкву, овсянку, муку.

Поближе к концу зимы от бараков до заводской проходной протянулась тонкая и прямая, как струна, тро-

пинка в снегу. В шесть утра поднимались наши отцы, одевались, умывались, завтракали, как автоматы, тратя на все ровно столько времени, сколько необходимо, и ни секундой больше, и шли на завод. Шли в глубокой темноте прямо на свет, исходивший из заводских дверей. Потому и дорожка была такая прямая, что каждый боялся сделать лишний шаг – экономили силы, тепло, энергию: предстоял долгий рабочий день.

Окончив, пять классов, осенью 43-го стал ходить вместе с отцом и я. Меня поставили учеником слесаря. Я получил рабочую карточку, стал настоящим рабочим. Подрос брат, и мать тоже пошла на завод. Радио все чаще приносило вести о победах наших войск на фронте. По заводу понеслись радостные слухи о скором возвращении домой.

И верно, в начале 44-го мы въезжали со своим скарбом в родной двор на Миллионной улице, втаскивали вещи в дом, обнимались и целовались с многочисленными дядьками, тетками, двоюродными и троюродными родственниками.

Город с каждым днем становился все многолюднее. Война шла к концу, люди возвращались домой, обживались заново в старых квартирах, принимались за работу.

Я выходил из дому в начале шестого, а улицы уже были запружены трудовым людом. Мой путь лежал из Сокольников в Тушино. Сперва – трамвай, потом ме-

тро, потом опять трамвай Я занимал привычное место на буфере заднего вагона и так добирался до завода. Возвращался домой тем же маршрутом, снова на трамвайных буферах, когда уже темнело.

Пройдут годы. Моя жизнь круто изменится. Из заводского спортивного клуба я попаду в молодежную команду «Динамо», оттуда – в динамовскую команду мастеров, стану игроком сборной страны. Судьба сведет меня с большими футболистами, моими сверстниками. В «Динамо» я увижу в них себя как бы со стороны. Их детство, как и мое, пришлось на войну. Им было не до спорта в том возрасте, когда большинство мальчишек выбирает свой спортивный путь. А они стали футболистами, большими футболистами. Это с их именами связаны самые первые и самые крупные победы нашего футбола на мировой арене – на Олимпиаде в Мельбурне и на Кубке Европы во Франции.

Пусть в их футбольном образовании были пробелы. Зато война дала им такое трудовое воспитание, которого не даст мальчику никакой урок труда. Уж что-что, а работать мы умели. Не за страх и не за посулы, а за совесть, до седьмого пота. И борясь за победы и чемпионские звания, мы не думали о том, какие жизненные блага принесет нам каждая из этих побед. Мы чувствовали себя счастливыми от самой возможности играть в футбол.

Выбор

Мы, две дюжины подростков, выстроились у футбольного поля заводского стадиона неровной шеренгой – тощие, маслястые, нескладные ребята. На стадион пришли прямо с работы, кто, в чем – в пиджаках, курточках, спецовках, в тапочках, сапогах, разбитых тупоносых ботинках, что выдавали ремесленникам, в сатиновых шароварах, лыжных фланелевых штанах, потертых коротких брючках. Ходивший вдоль этого странного строя человек измерял каждого из нас коротким взглядом и тут же называл его место в команде. Когда очередь дошла до меня, человек сказал:

– Будешь стоять в воротах.

Может, надо было поспорить или хоть спросить, чем это я ему не понравился. Может, надо было сказать ему, что еще в довоенном дворе, когда мы резались в футбол, я всегда играл впереди и котировался как приличный бомбардир.

Но я не стал ни объяснять, ни спрашивать, ни спорить. В ворота так в ворота. Главное – поиграю. А начнешь объяснять – глядишь, прогонят...

Я уже говорил, что за годы войны забыл об играх, и когда в одно прекрасное послевоенное весеннее утро увидел в заводской проходной большое объявление:

«Желающие играть в футбол, записывайтесь в секцию у Владимира Чечерова», – глазам своим не поверил.

Я сразу пошел искать указанную в объявлении комнату, а уже вечером стоял в строю своих нескладных сверстников у кромки футбольного поля. Как состоялось мое посвящение во вратарский сан, вам уже известно. Не знаю, как к другим его «крестникам», но по отношению ко мне у Чечерова, которого мы все любили и, хоть был он не стар, называли «дядя Володя», оказалась легкая рука.

Играл и тренировался я ежевечерне. Наши окна выходили на стадион, и я, умывшись и переодевшись, выскакивал на поле прямо из комнаты.

Немало порвали мы собственных тапок, истрепали трусов и маек, пока выдали нам казенное обмундирование. Еще позже дали бутсы. Сперва большие, разношенные, разбитые игроками взрослой команды и за ненадобностью списанные, а уж потом – поменьше и поновее. О том, как ложится на ногу или замирает в твоих объятиях новенький абсолютно круглый, нештопаный мяч, мы тоже довольно долго не знали. Таких мячей было в клубе два, и выдавали их только взрослым, да и то не на тренировки, а на игры. Мы же пробавлялись старенькими, с латанными-перелатанными покрывками, отчего камеры то и дело лопались.

Каждая неделя кончалась для нас праздником – игровым днем. Утром мы собирались с чемоданчиками

у заводской проходной, садились в открытый кузов полуторки и отправлялись на городской стадион. Предстояла очередная встреча на первенство Тушина.

На стадион я входил уже не с одним, а с двумя чемоданчиками. Второй принадлежал Алексею Гусеву – вратарю взрослой команды. Носить его вслед за хозяином была моя обязанность, неременная и приятная. Раз тебе сам главный вратарь завода доверил свой чемодан – значит, ты уже чего-то стоишь!

Сначала играли мы, юноши, а Гусев стоял за моей спиной и прямо здесь же, как мог, учил уму-разуму. Вслед за юношескими на поле выходили мужские команды, и тогда мы менялись местами: Гусев вставал в ворота я занимал место по другую сторону сетки.

Моя жизнь складывалась безоблачно, и время летело незаметно. Работа, учение, футбол, хоккей (в него я играл не в воротах, в нападении) – всюду дело клеилось. Одолел семилетку. В свои неполные восемнадцать лет был уже и слесарем, и строгальщиком, и шлифовальщиком, имел приличный рабочий стаж и правительственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

А потом накопившаяся за годы усталость начала давать о себе знать. Что-то во мне вдруг надломилось. Никогда не слыл я человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, все меня на работе и дома стало раздражать, мог вспых-

нуть по любому пустяку. После одной такой вспышки я собрал свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал.

Как назвать мое тогдашнее состояние? Хандра? Депрессия? Не знаю. Знаю только, что посетило оно меня единственный раз в жизни и достигло в этот единственный раз таких размеров, что справиться с ним я долго не мог. Ничего не ощущал, кроме опустошенности.

Положение становилось с каждым днем все безвыходнее. По всем законам я был не кто иной, как прогульщик, и на меня распространялись соответствующие указы об уголовной ответственности. Надо было что-то делать. Но что?

Выручил меня советом кто-то из игроков взрослой нашей команды:

– Надо тебе идти добровольцем на военную службу. За это многое тебе может проститься. Да и дисциплина воинская сейчас для тебя – спасение.

...Первые месяцы службы у всех одинаковы. День похож на день, как близнецы. И хоть каждый из них длинен – семнадцать часов от подъема до отбоя, так называемого «личного времени» почти не остается. Все расписано по минутам: строевая подготовка, изучение уставов, чистка оружия, тактические занятия, наряды, караульная служба, политучеба и еще многое, что знает, как «Отче наш», каждый, кто проходил курс

молодого бойца. Я уж начал забывать о спорте, но однажды во время вечерней поверки командир скомандовал: «Футболисты – шаг вперед!» – и я, конечно, тут же этот шаг сделал.

Тренировки и игры на первенство городского совета «Динамо» были регулярны, как все в армии, и вовсе не исключали, а дополняли прочие воинские занятия. Ни от каких видов учебы и службы спортсменов не освобождали. Лишь в строго отведенные часы нас увозили на стадион, а потом привозили обратно, и мы вливались в общий строй.

Летом сорок девятого года, после очередного игрового дня, меня прямо на стадионе остановил какой-то человек – высокий, подтянутый, с чуть пробивающейся сединой в аккуратной – волосок к волоску – прическе.

– Хочешь играть в молодежной команде «Динамо»?

– Еще бы!

– Тогда приезжай на тренировку. – И он назвал день и час.

Как мог я, солдат, распорядиться своим временем?

– Не беспокойся, это я беру на себя, – развеял он мое недоумение.

Честно признаться, я не слишком надеялся, что незнакомый мне человек выполнит обещание, но он выполнил. Через несколько дней командир с некоторым удивлением показал мне запрос и приказал отправляться на стадион. Там меня ждал незнакомец, – как

выяснилось, тренер молодежной команды «Динамо».

Я спросил у ребят, как его фамилия. Мне ответили: «Чернышев».

Да, подвел меня к порогу большого футбола Аркадий Иванович Чернышев – прекрасный тренер и обязательный человек. Чем больше лет, – а теперь уже и десятилетий – минуло со дня нашего знакомства, тем более я благодарен ему за это.

Так я оказался в молодежной команде «Динамо». Мы успешно выступали в чемпионате и Кубке Москвы, я неизменно играл в основном составе. И однажды нам довелось даже победить в розыгрыше Кубка столицы мужскую динамовскую команду, в которой играли несколько известных футболистов и среди них сам Чернышев. А когда в марте сорок девятого года команда мастеров «Динамо» отправилась на тренировки в Гаггру, я был включен в ее состав в качестве третьего вратаря, дублера Алексея Хомича и Вальтера Саная.

И там, на обжитом многими поколениями московских динамовцев гагринском стадиончике со мной произошел случай не просто конфузный, а, наверное, единственный и неповторимый в истории футбола. Наша команда дублеров встретилась со сталинградским «Трактором». Это был первый мой матч. Дул сильный ветер с моря. В середине первого тайма вратарь «Трактора» выбил мяч, тот высоко взлетел и полетел в мою сторону. Я растерялся. Что предпринять? Ждать,

когда он опустится? Бежать навстречу? Наконец я сорвался с места и кинулся к предполагаемой точке падения мяча. Казалось, я рассчитал все – и свою скорость, и скорость мяча, и силу ветра. Не углядел я лишь одного, – что мне на подмогу поспешает наш защитник Аверьянов. Мы столкнулись с ним на полпути к мячу и оба упали, а мяч, словно издеваясь над незадачливым голкипером, подпрыгнул и вкатился в ворота...

В мальчишеских играх есть такое правило: «От ворот до ворот гол не в счет». В настоящем футболе такого правила нет. Наверняка случай этот был первым и последним в истории настоящего футбола – вратарь забил гол вратарю ударом от ворот. Не трудно представить мое состояние. Как нашкодивший и стыдящийся поднять глаза мальчишка, я исподтишка оглядел трибуну. То, что я увидел, добило меня окончательно. Игроки нашей основной команды – Василий Карцев, Константин Бесков, Сергей Соловьев, Александр Малавкин, Всеволод Блинков, Леонид Соловьев – показывались со смеху. Бывалые и все на свете повидавшие футбольные волки, они ничего подобного в своей жизни не видели.

Не помню, как доиграл я первый тайм. В раздевалке я швырнул в угол перчатки, за ними полетели бутсы. Не в силах сдержать слезы, я стал стаскивать свитер. Мне еще не сказали, что моя футбольная карьера окончена.

на, но я был уверен: сейчас скажут. А если и не скажут, разве я сам этого не понимаю?

Мне не дали снять свитер. Меня заставили натянуть на ноги бутсы, а на руки – перчатки. Я вновь появился на поле. Я доиграл этот злосчастный матч, свой первый матч в команде мастеров. Тренер, работавший тогда с динамовскими дублерами, Иван Иванович Станкевич, человек мягкий и интеллигентный, нашел нужные слова. Он сумел объяснить мне, что все происшедшее не более чем несчастный случай, что ни он, ни старший тренер Михаил Иосифович Якушин во мне не разуверились, что в будущем надо быть осмотрительнее и видеть не только мяч, но и обстановку на поле. На следующий матч меня снова поставили, на следующий – тоже. Я закрепился в дублирующем составе, но мяча, забитого мне вратарем «Трактора», забыть не мог.

Самым близким человеком в команде был для меня в ту пору Алексей Петрович Хомич.

По старой, «тушинской» еще привычке я носил за своим кумиром его чемоданчик, сидел рядом, когда он переодевался, стоял во время игр за его воротами. А он, как и заводской наш голкипер, Алексей Гусев, тоже не отходил от моих ворот, когда играли дублеры, и не скупился на советы и наставления.

Хомич был мне симпатичен многими своими качествами. Но больше всего тем, что был настоящим, ис-

тинным спортсменом. Нет, его не назовешь аскетом, отшельником. Он и во время тренировки готов был пошутить, а в свободное время любил веселую компанию, в которой мог и пропустить рюмку. Но был он из тех людей, которые живут в точном соответствии с половицей: «Делу – время, потехе – час». Работал на тренировках так, что оставалось лишь диву даваться, – ни минут лишних, ни часов не считал. И отдавался работе целиком, причем выглядело это так, будто ему труд не в тягость, а в охотку, будто вставать и падать, лететь из одного угла ворот в другой и кидаться в ноги нападающим не доставляет ему ничего, кроме удовольствия.

Как у всякого из нас, бывали у Хомича игры более или менее удачные, случалось, что, и легкие мячи он пропускал. Но чтобы раскиснуть от неудач, чтобы играть не изо всех сил – такого с ним не бывало. Тут команда на него всегда могла положиться полностью.

Играя в дублирующем составе, я представлял себе, что если и попаду со временем в основной, то время это наступит очень нескоро. Какой уж там основной, когда в команде есть Хомич, а за ним еще и Саная? Однако это не охладило моего увлечения футболом.

Тренировался я много, не признавая никаких норм. Для меня как-то сразу стало обязательным делать на занятиях все, что делают полевые игроки: вместе с ними мерить круги по стадиону, бегать кроссы, совер-

шать многочисленные рывки, преодолевать барьеры, прыгать, играть в больших и малых «квадратах», бить по воротам, отрабатывать удары головой, пасовать. А сверх того оставалась в полном объеме вратарская работа, изнуряющая необходимостью овладеть каждым приемом так, чтобы он выполнялся без участия сознания, автоматически.

Футбол занимал не только почти все мое время, но и целиком все мысли. К каждому игровому эпизоду с моим участием я возвращался мысленным взором снова и снова. Атаку, которая заканчивалась голом в мои ворота, память расчленяла на мельчайшие детали.

Мне и в голову не приходило убеждать себя в том, что вратарь в силах дотянуться до мяча, сильно пущенного вблизи в угол ворот. Ну, а если бы я заранее вышел навстречу удару? Или, сумев предугадать, откуда этот удар последует, сместился поближе к тому углу? Или неожиданно для противника встретил бы его у передней границы штрафной площадки? Или вовремя крикнул защитникам, кому и куда надо бежать, чтобы перекрыть все пути атаки? Этих «если бы» находились десятки...

Пройдут годы, и за мной закрепится репутация человека, совершившего едва ли не переворот в привычных, устоявшихся представлениях о зоне действия вратаря и принципах его игры. Появятся статьи о том, что я раздвинул эту зону за границу штрафной пло-

щадки и что в моей интерпретации вратарь превратился в дополнительного защитника. Так ли это? Судить не берусь. Никогда не относил себя к числу теоретиков, никогда не делал обобщений, которые бы шли дальше анализа своих и чужих ошибок. Играл, как игралось, выбирал те позиции и предпринимал те шаги, которые, казалось мне, вернее обеспечат безопасность ворот. А выходил ли далеко вперед или оставался во вратарской площадке, отбивал ли мяч ногой или ловил его руками – это уж смотря по обстоятельствам. Если же и верно то, что стали приписывать мне с годами, думаю, помогли мне здесь две вещи. Во-первых, привычка выполнять на тренировках все, что делали полевые игроки, отчего я не уступал им в выносливости. Второе – постоянное стремление раскрывать собственные просчеты, винить в каждом голе скачала себя, а уж после других. При всем многообразии футбола есть в нем ситуации, которые повторяются неизменно. И если ты докопался однажды до собственной ошибки, то другой раз ее не повторишь.

Играя за дубль, я, конечно, не мог не надеяться, что в один прекрасный день фортуна смилостивится надо мной, и я выйду на матч основного состава. Я часто думал об этом дне и мысленно не раз «проигрывал» его в мельчайших деталях. И вот он наступил, этот день, осенний день 1950 года, день, которого я так ждал и который кончился для меня так плачевно...

Накануне на установке перед календарной игрой московского «Динамо» со «Спартаком» при перечислении состава команды впервые было названо мое имя. Заболел Саная, и я должен был выполнить его обычную роль – роль запасного вратаря.

Не надо, наверно, и говорить, что для «Динамо» игра со «Спартаком» всегда особенно ответственна, а раз так, у запасного вратаря есть всего один шанс из ста выйти на поле, заменить первого вратаря. Тем не менее, я страшно волновался и чувствовал себя участником матча с того момента, когда услышал свою фамилию на установке.

По тогдашнему обычаю запасной вратарь выходил на поле вместе со всей командой и во время разминки, а затем и игры сидел на лавочке за воротами. Он, как статист в спектакле, которого хоть и видно, но не слышно. Впрочем, есть у него и свое «Кушать подано»: когда разминка закончилась, я подал Хомичу его «игровые» перчатки, а он вручил мне свои «тренировочные».

Всю игру Хомич стоял отлично. Дело шло к благополучному концу – оставалось 15 минут, и мы вели 1:0. И вдруг Хомич после очередного броска остался лежать на траве. Вокруг столпились игроки, кто-то попытался помочь ему подняться, а я глядел на все это, совершенно забыв, что происходящее имеет самое прямое отношение ко мне.

Отрезвил меня зычный голос Леонида Соловьева:

– Ты что сидишь? Иди в ворота!

Только тут я понял, что один из ста шансов пришел. Но куда девалась вся моя уверенность! Я еле поднялся с лавки, повторяя про себя, как заклинание, одну лишь фразу: «Только бы не играть... Только бы не играть... Только бы не играть...» Повторял, а ставшие ватными ноги несли мое обмякшее тело к воротам.

Судья дал команду, кто-то из наших защитников ударом от ворот послал мяч в середину поля, игра продолжалась, но что происходило на поле, я не видал. Со мной творилось нечто непонятное, никогда прежде не испытанное. Мне казалось, что весь стадион видит, как у меня частой и крупной дрожью дрожат и подкашиваются колени. Я чувствовал: сейчас упаду или просто сяду на траву. Чтобы этого не случилось, я стал быстро расхаживать на негнущихся ногах от штанги к штанге. Дрожь не унималась, а игра в это время переместилась на нашу половину поля. Как во сне, увидел я накатывающуюся на меня красную волну. Увидел, как мяч, пробитый спартаковским нападающим Алексеем Парамоновым, по высокой дуге летит в сторону моих ворот. Увидел, как к месту, где мяч должен приземлиться, устремился другой спартаковец – Никита Симонян. В сознания мелькнуло: «Успею раньше!»-и я кинулся навстречу Симоняну...

А дальше все было как в том, гагринском, матче. До цели я не добежал, потому что столкнулся с нашим по-

лузащитником Всеволодом Блинковым, опережавшим и меня и Симоняна, и сбил его с ног. А тем временем спартаковец Николай Паршин без малейших помех послал мяч головой в наши ворота.

Счет стал 1:1. Мы упустили верную победу. Мы потеряли дорогое очко. И всему виною был лишь один человек – запасной вратарь Яшин. Ему было оказано такое доверие, ему представилась такая возможность показать, на что он способен, а он...

Я начал постепенно приходить в себя только в раздевалке. Сидел на стуле, спрятав лицо в ладони, и пытался скрыть слезы. Кто-то из наших похлопывал меня по плечу: «Молодец, пару приличных мячей вытащил». Кто-то звал в душ. Потом все эти голоса перебил еще один, начальственный и резкий:

– Кого вы выпустили?! Сосунка, размазню! Тоже мне, вратаря нашли! Гнать его в шею! Чтоб я его на поле больше не видел!

Я знал этот голос, он принадлежал одному ответственному динамовскому работнику. Знал я и то, что его слово для тренеров – закон. Знал и понимал: это конец.

И точно – это был конец. Меня упрятали в дубль всерьез и надолго. В дубле я провел остаток того года, весь следующий и часть пятьдесят третьего. Впрочем, наш тогдашний старший тренер Михаил Васильевич Семичастный рискнул выпустить меня еще раз, в

матче с тбилисскими динамовцами. Рискнул и раскаялся. Сначала все шло благополучно. После первого тайма мы вели 4:1. Пошел второй тайм. Мяч попал ко мне в руки. Я хотел его выбить в поле, но настырный Тодрия – форвард мощный, коренастый, мне мешал. Никак я от него не мог увернуться. Кончилось все это тем, что я оттолкнул тбилисца рукой. В ответ – свисток, и судья показывает на 11-метровую отметку. Бьет Пайчадзе. 4:2. Тбилисцы сразу преобразились, – почували, что не все еще кончено, и всей командой пошли вперед, я же совсем расстроился. Вскоре счет стал 4:3 – опять Пайчадзе гол забил. Потом 4:4. Как эти два мяча влетели в мои ворота, не помню. После уже узнал, что тренеры хотели меня заменить, но Константин Бесков, наш капитан, отослал сменщика назад, крикнув: «Не надо, так доиграем». И он же в последние минуты забил пятый гол.

Возможно, попросись я тогда в отставку, меня не стали бы удерживать. Но попроситься я уже не мог: жизни вне футбола себе не представлял. Я не попросил, меня не прогнали. Я остался в «Динамо».

В те же годы я начал играть в хоккей. К этой игре меня тоже привлек Аркадий Иванович Чернышев. Както глубокой осенью встретил он меня на стадионе и спрашивает:

– Хочешь в хоккей поиграть?

– Да что вы, – отвечаю. – Я эту шайбу и в глаза не

видел. В хоккей с мячом играл в заводской команде, а что такое хоккей с шайбой – не представляю.

– Это не беда. Приходи. Научу.

До чего же неловко чувствовал я себя первое время в маленьких хоккейных воротах! Длинный, в тяжелых и громоздких доспехах, я никак не мог справиться с маленькой шайбой. По футбольной привычке я все пытался ее ловить. Как ее поймать? Ведь в те годы вратарские рукавицы не имели «ловушек», какими снабжены они теперь. И я, бросаясь навстречу летящей шайбе, откидывал в сторону клюшку и норовил схватить ее, словно мяч, двумя руками. А она упрямо вырывалась из рук, довольно часто отлетая прямо в сетку ворот. Чернышев терпеливо повторял: «Ты ее не лови, ты ее отбивай». Но прошло немало времени, и немало синяков я себе наставил, и немало шайб пропустил в свои ворота, пока усвоил эту элементарную вратарскую истину.

Хоккей я полюбил. Да и успехи тут пришли ко мне куда раньше, чем в футболе. Я и мастером спорта сначала стал в хоккее, и медали мои первые – серебряная и бронзовая – хоккейные, и первый раз в жизни Кубок СССР выиграл в составе хоккейной, а не футбольной команды.

В хоккей я играл до 53 года. Еще через год нашим хоккеистам предстояло впервые выступать в чемпионате мира. Меня назвали среди кандидатов в сборную.

Не знаю, как сложилась бы моя хоккейная судьба дальше, но приблизительно в то же время я стал кандидатом в футбольную сборную. Надо было выбирать. Я выбрал футбол.

Новые птицы – новые песни

Без малого пять лет просидел я в запасе. Тогда я пережил много горьких минут, теперь же, возвращаясь памятью к событиям 25-летней давности, вижу череду прекрасных, солнечных дней...

А чем, собственно, они были так уж ярки, эти дни? Ну, тренировались, играли, отдыхали, ухаживали за девушками. Все как у всех. Почему же память рисует это время таким уж счастливым?

Мы были молоды, и этим сказано все. Мы были в том возрасте, когда труд не в тягость, когда каждая игра – праздник, когда предвкушение отдыха еще слаще, чем сам отдых.

Матчи дублеров редко проводились на стадионе «Динамо». Обычно на свои игры мы выезжали в небольшие города, порой за сто – полтораста километров от Москвы. Мы собирались рано утром у ворот динамовского стадиона, где нас поджидал старенький тряский автобус, каких теперь уже почти и не осталось, – подпрыгивающий на дорожных ухабах, по-стариковски похрипывающий при переключении скоростей, с потертыми креслами, из которых проглядывали острые концы пружин.

Дежурный пересчитывал игроков – все ли на месте,

шофер включал мотор, автобус трогался, выворачивал на Ленинградское шоссе, обдавая прохожих бензиновой гарью, и набирал посильную скорость. И в этот момент из растворенных окон автобуса вырывались на уличный простор первые звуки песни.

Какие песни мы пели? Всякие. Мы знали их десятки, а может, сотни. Про любовь и про войну, веселые и грустные, маршевые и лирические, о девушках и о «махорочке-махорке». Не было штатных запевал, но не было и молчальников. Пели все, и никто не мог себе представить дорогу без песни. А когда наступал момент, про который в песне поется: «Захрипели, потеряли голоса», – переходили к шуткам. Со стороны, может, не слишком остроумным, может, даже плоским, может, старым и сто раз повторенным, но неизменно вызывавшим дружный хохот, от которого сотрясались стены и дребезжали окна нашего утлого, чихающего копотью лайнера шоссежных дорог.

Мы были молоды, и нам было весело, и автобус, перебираясь с асфальта на проселки, приближал нас к всегда желанному футболу...

Сейчас мы тоже ездим на игры все вместе. К нашей великолепной тренировочной базе в Новогорске, где комнаты на двоих, и все удобства, и телевизор, и бильярдная, и столовая с накрахмаленными скатертями, подается просторный «Икарус» с окнами во всю стену, и мы отправляемся в Москву, на «Динамо», Такие же

молодые ребята-дублеры, какими были мы когда-то, выходят из дверей дома, подняв воротники свитеров и зябко поеживаясь, и садятся в автобус. Я захожу последним и пытаюсь расшевелить ребят.

– Ну, как сегодня сыграем? Обед хоть отработаем?

Кто-то улыбнулся из вежливости, кто-то взглянул на говорящего, кто-то и вовсе не поднял глаз, будто не слышал.

Автобус катит по Куркинско-Машкинскому шоссе, по правую руку – поле, по левую – сосны, ели, белоствольные березы – никогда не надоедающий подмосковный пейзаж, на который не устаешь глядеть и не можешь наглядеться. Потом – весь новенький, ухоженный, просторный Ленинградский проспект, Петровский парк, стадион «Динамо», уютнее которого нет в мире.

Тихо в автобусе. Я поворачиваю голову и со своего места, сразу за водительским, оглядываю фигуры молодых динамовских гвардейцев. Уж какие там песни! Уж какие там шутки! Если и скажет один другому слово, то тихо, в четверть голоса. Большинство же молчит – кто дремлет, укачанный ровным бегом автобуса, кто косит невидящим глазом в окно, кто рисует чертиков на стекле.

Придя в раздевалку, ребята молча переодеваются, по одному выходят на разминку. Не знаю, возможно, мне так только кажется, но, по-моему, и во время игры они не загораются.

Во всяком случае, тщетно я пытаюсь встретить сверкающий взгляд захваченного пылом борьбы человека, напрасно ищу проявлений восторга, уныния, недовольства собой. Разве что вскинет кто-нибудь вверх руки после забитого гола. Но и эта вспышка длится секунду. И опять каждый принимается за свое с такой деловитостью, словно он не футболист, а бухгалтер, надевающий нарукавники и готовящийся отщелкивать свои цифры на конторских счетах.

Кончится игра, они быстренько примут душ, оденутся и разбредутся тихо, кивнув, друг другу головой или бросив общее: «Пока...» Не пойдут они, как мы в прежние времена, всей гурьбой на танцы, или в Парк культуры, или в общую компанию.

Куда же они пойдут? Право, не знаю. Должно быть, по своим каким-то делам.

Почему так? Почему мы были такими, а они теперь другие? Почему им, нынешним, нужны теперь иные радости? Почему?..

Можно произнести еще сто раз это самое «почему?». Только куда проще спрашивать, чем отвечать.

Впрочем, один ответ вроде бы напрашивается сам собой. Раз мы были веселей, жизнерадостней, раз мы относились к своему делу более романтично, значит, мы были лучше. Так ли это на самом деле? Нет, не может так быть.

Мы были проще – вот, на мой взгляд, ответ наиболее

верный.

У всех нас было трудное военное детство – без лишнего куска хлеба, без лишней ложки сахара, без лишней рубашки. Мы знали, что такое взрослый труд на заводе и в поле. На наших глазах жизнь входила в нормальное русло, и мы «добирали» теперь то, чего «недобрали» в детстве. Зашел в магазин и купил коробку конфет – прекрасно. Могу провести в автобусе два беззаботных часа – еще лучше. Гуляю с любимой девушкой до поздней ночи по освещенным, лишенным затемнения улицам и не думаю о том, как завтра встану в пять утра и буду, не разгибая спины, стоять до вечера у станка, – совсем замечательно.

Хватало любого пустяка, чтобы доставить нам радость, привести в хорошее настроение. А где радость, там смех, песни, шутки. В здоровом теле здоровый дух. И мы, я бы сказал, физически ощущали себя здоровыми – мы совсем недавно стали сытно есть, всласть спать, носить хорошие костюмы.

И в коллективе мы уживались проще. И такие понятия, как «долг», «обязанность», «надо», «жертва личного ради общественного», вошли в нашу плоть и кровь давно, с детства – в годы войны каждый из нас впитал их в себя на всю жизнь.

Зато редкий человек среди нас имел среднее образование. Зато мы маловато, не в пример нынешним молодым ребятам, читали. Зато круг наших предста-

влений о мире был сравнительно узок и примитивен.

Нашим тренерам было относительно легко работать с нами. Мы многому верили на слово, поскольку знали: тренер образованнее, интеллигентнее нас, у него больший жизненный опыт, а если и не имеет он вузовского диплома, то мы ведь в большинстве совсем не имели и аттестатов зрелости.

Человек, которому сейчас 20—25 лет, даже если он ленив и нелюбопытен, даже если не слишком восприимчив к знаниям, поверхностно осведомлен о тысяче разных вещей. Ему известно, как жил Леонардо да Винчи, зачем ездил в Россию Бальзак, как запускаются космические корабли, почему дельфины умнее всех прочих животных, каковы достопримечательности острова Борнео, чем отличается «поп-джаз» от «рок-джаза». Как о своих знакомых, толкует он о Жане Габене и о Джейн Фонде, о Дюке Эллингтоне и Миррей Матье, о Марселе Марсо и Рене Клемане. Все эти люди беседовали с ним с телеэкрана. А еще нынешний молодой футболист за редким исключением пришел в команду после окончания десятилетки, и его голова постоянно занята мыслями о выборе института, заботами о «хвостах», приближающихся сессиях, незаконченных курсовых работах, недописанных дипломах. Нынешние спортсмены учатся в разных учебных заведениях, но большинство, естественно, поступает в институты физкультуры или школы тренеров. Пото-

му кое-кто из них с тренером может на равных поспорить и по сугубо специальным вопросам, сославшись при этом на конкретную страницу учебника или возразив ему что-нибудь вроде: «А нам на лекции по физиологии говорили иначе».

Да, мы были проще, и с нами было проще. К нынешним нужен иной подход, нужны новые методы воспитания. А мы чаще всего идем к ним со старыми, которыми пользовались и два и три десятилетия назад. Те испытаны, проверены, апробированы на тысячах футболистов. Только на других, прежних, не нынешних. В этом все дело.

...Я гляжу со своего кресла на скучающие лица ребят и понимаю, почему они скучны. Не только потому, что озабочен человек множеством забот и ушел в себя. Ему еще, как ни хороша наша новогорская база, осточертели эти четыре стены, на которых он изучил каждую трещинку, надоели одни и те же собеседники, с которыми все говорено-переговорено, с которыми обо всем поспорил уже давным-давно, чьи мысли и взгляды так же изучены, как трещинки на стене.

Нас тоже тяготила необходимость подолгу находиться на тренировочных базах, неделями не видя родных, девушек, друзей, жен. Но, с другой стороны, мы понимали: это оправдано. Большинство из нас жило в коммунальных квартирах, в одной комнате с многочисленными родственниками, в условиях, где и зарядку не

сделаешь, и не поешь, как надо, не отдохнешь, не ляжешь вовремя спать. Теперь все не так. Теперь многих тогдашних проблем не существует. Теперешние футболисты знают, как организовать свой режим соответственно всем требованиям спортивной науки, а они по-прежнему живут под надзором многочисленных нянь, живут, по существу, взаперти. И они лишены того, что свойственно их возрасту.

Верно, ложиться поздно спать вредно. И просидеть весь вечер за столом тоже. И в прогулках с девушками нужна мера, поскольку футболист обязан постоянно находиться в хорошем физическом состоянии. А разве скука и однообразие полезны? Разве монотонный быт, лишенный малейшего разнообразия, безвреден? Разве нехватка пищи для ума, недостаток новых впечатлений не отражаются на настроении человека, на его психологическом состоянии, которое не менее важно для играющего в футбол, чем состояние физическое?

Я не против того, чтобы собирать футболистов на базах команд, где они как следует, отдохнут накануне матча, подышат свежим воздухом, приведут в нормальное состояние свои эмоции, пройдут элементарный врачебный осмотр. Но все хорошо в меру. А мера меняется с годами, потому что меняются те, к кому с этой мерой подходим,

Мне довольно часто приходится наблюдать молодых динамовских футболистов во время зарубежных

поездок. Их не удивишь ни Эйфелевой башней, ни Букингемским дворцом, ни Колизеем, ни Бранденбургскими воротами. Ни эти, ни другие достопримечательности не приводят их в восторг. Куда бы мы ни приехали, они уже здесь, оказывается, успели побывать. А я вспоминаю свою первую долгую поездку за границу, в Индию. Мне было уже 25 лет, когда я был включен в сборную.

Нас было около сорока человек – известных, бывалых футболистов, кандидатов в олимпийскую команду. Мы провели в Индии множество матчей, исколесили множество городов, играя и разъезжая по стране в сорокаградусную жару. Но мы словно забыли, что существует такое понятие – усталость. Мы были счастливы, как дети, и, как дети, осыпали сопровождающих вопросами. Мы были ненасытны на впечатления. И сегодня эта первая большая поездка свежа в моей памяти.

Мы вылетели из Москвы вскоре после Нового года и после коротких остановок в Хельсинки, Стокгольме, Мадриде, Лиссабоне, в Карачи попали из снежной русской зимы в душное индийское лето. Была глубокая ночь, когда мы сошли с трапа самолета на асфальт аэродрома Дели, уселись в кресла просторного автобуса и помчались навстречу огням индийской столицы. Нас поселили в большом комфортабельном отеле, в удобных комнатах с мягкими постелями. Казалось, стоит только прикоснуться к подушке, и уснешь богатыр-

ским сном – усталость валила с ног. Но никто так и не уснул в ту ночь. Да и как уснешь, когда в распахнутые окна врываются тысячи незнакомых звуков – треск цикад, гудение автобусных сирен, шелест шагов и еще бог знает что, когда под потолком кружат большие пестрые бабочки, а по стенам мечутся громадные ящерицы.

Ранним утром мы вышли из отеля в тренировочных костюмах с буквами «СССР» на груди и тут же попали в плотное кольцо любопытных. Напротив отеля нам открылось бескрайнее, покрытое чахлой травкой поле. Там нам предстояло делать зарядку. Но поле было усеяно сидящими людьми, собаками, мирно дремлющими тощими коровами. Они не обращали ни малейшего внимания на палящее солнце, мы же чувствовали себя так, словно к нашим спинам прислонили листы раскаленного железа.

Потом мы бродили по делийскому базару, ходили по улицам и не уставали поражаться носящимся между прохожими собачьим стаям, лазающим по стенам и крышам домов обезьянам, чинно вышагивающим по мостовым слонам. Мы заходили внутрь величественных храмов из белого камня и заглядывали за занавески цинопочных шатров, обнаруживая в каждом из них жующих, пьющих, спящих, что-то делающих людей, копошащихся среди пестрого скарба, детишек.

Потом мы были еще во многих индийских городах.

Мы купались в теплой воде океана, пили молоко из кокосовых орехов, сорванных с дерева и вскрытых на наших глазах. Нас знакомили с видными общественными деятелями, нам устраивали встречи с друзьями Советского Союза в многотысячных залах. Нас катали на самых настоящих индийских лодках, сделанных из толстых древесных стволов.

А мы ведь еще играли и тренировались. Играли практически через день. Играли хоть и с босоногими наполовину, но очень неплохими и знающими толк в футболе командами.

А нам все было нипочем. Мы были рады этой первой и счастливой возможности побывать в чужих краях, увидеть хоть из заоблачных высот разные страны, побывать в сказочной, романтической Индии.

Романтика уволена?

Вот написал я слово «романтика» – и подумал: если и употребляется оно изредка сейчас по отношению к футболу, то звучит несколько даже иронически. Теперь говорят: «времена романтического футбола», как говорят о далекой доисторической эпохе, когда футбол был прост и наивен, когда игроки и тренеры больше полагались на импровизацию, чем на заранее распланированные схемы. Теперь характеристика «рациональный футбол» звучит как высшая похвала, как явное противопоставление тому, «романтическому футболу».

Можно сколько угодно вздыхать по минувшим идиллическим временам (а я по ним, признаюсь, и вздыхаю: они принесли нам самые большие успехи), но ясно: историю не повернешь вспять.

Ну, а если на это слово – «романтика» – взглянуть с другой стороны? Готовность отдать избранному делу всего себя без остатка, умение идти к победе. Невзирая ни на какие невзгоды и препятствия, неугасающая воля к победе – разве все это не обязательные черты истинных романтиков? Больше того, в наш рационалистический век, век математического расчета, достижение больших высот в избранном деле доступно лишь

тем, в ком есть эти черты. Нет их, – и никакая квалификация не поднимет человека над уровнем посредственности.

Впрочем, назидательных бесед на эту тему ведется с футболистами и теперь немало, даже больше, пожалуй, чем прежде. Однако суть не в словах, а в делах. Когда же думаешь о делах, на ум невольно приходят строки Эдуарда Багрицкого:

...Романтика уволена за выслугу лет.

Сказанное – предисловие к рассказу о событиях, которые разыгрались вскоре после нашего возвращения из Индии.

События эти хорошо всем известны – матч со сборной ФРГ, Олимпиада в Мельбурне, отборочные игры к чемпионату мира 1958 года. Что скрывать: приятно предаваться воспоминаниям о событиях, которые прославили наш футбол. Но хоть я и был их непосредственным участником, не для того возвращаюсь я к давно минувшим дням, чтобы потешить собственное тщеславие.

«К нам едет чемпион»... Тогда еще новички на международной арене, мы не могли ясно представить себе, что это такое – лучшая профессиональная сборная в мире, тем более что матчи первенства мира 1954 года никто из нас не видел. Велико было наше волнение перед встречей с командой, обыгравшей в финале чемпионата мира самих венгров, в чьих рядах бы-

ли Кочиш, Божик и Грошич, командой, возглавляемой Фрицем Вальтером, имя которого тогда не сходило со страниц печати и было у всех на устах.

В какой футбол они играют? Какими техническими приемами владеют? Как наступают и защищаются? Никто не мог дать ответа на эти вопросы. Зато ежедневно приезжавшие к нам спортивные руководители, один другого главнее, повторяли: вы обязаны победить сборную ФРГ.

Что же удивительного в том, что большую часть первого тайма мы пребывали в каком-то оцепенении. Даже таких наших «технарей», как Игорь Нетто, не желал слушаться мяч. Они теряли его в довольно простых ситуациях, их пасы и удары были неточны. А бывалый и уверенный в себе соперник терзал и терзал нашу оборону, которая едва успевала отбивать мяч куда попало.

Быть может, я сгущаю краски и внешне все выглядело для нас не так уж скверно в эти первые полчаса, тем более что именно в начале матча Николай Паршин открыл счет. Но мне игра в те минуты представлялась именно такой. И сам я испытывал чувство скованности, мешавшее принимать решения быстро и точно. И в обоих случаях, когда мяч побывал в наших воротах, была моя вина. И тогда, когда после удара Вальтера мяч, задев кого-то из наших защитников, влетел в сетку, и тогда, когда воспользовавшийся моим неосмотрительным выходом Шефер забил гол в ближний от меня

угол.

Мы выиграли этот матч 3:2. И в статьях, появившихся сразу после игры и спустя некоторое время, и в интервью, которые давали журналистам Г. Д. Качалин и немецкий тренер Зепп Гербергер в тот же вечер, были названы разные причины нашего успеха, такие, скажем, как лучшая физическая подготовленность, преимущество в скорости и т. д. Все это было верно, все базировалось на объективных данных. Но было еще одно обстоятельство, которое ускользнуло, -да и не могло тогда не ускользнуть – от внимания аналитиков.

...Когда второй гол влетел в сетку ворот за моей спиной, я был в состоянии, близком к отчаянию. У меня было в те минуты такое чувство, словно на мне скрестились испепеляющие взгляды всех шестидесяти тысяч зрителей, как скрещиваются на одной точке жгучие солнечные лучи, собранные увеличительным стеклом. Казалось, вот сейчас я сгорю под этими взглядами, сгорю от стыда за свою оплошность. (Уже спустя много лет я прочитал воспоминания одного крупного спортивного журналиста об этом матче и, в частности, о голе Шефера, голе, который, по мнению этого журналиста, хотя тогда и считался плодом моей ошибки, на самом деле был итогом удивительного и в те времена никому не ведомого резаного удара, когда мяч, пущенный почти с лицевой линии, делает неожиданную петлю и влетает в ближний от вратаря угол ворот. Если этот вы-

вод и верен, в те времена ни я, ни другие додуматься до него не могли.) Но мысль: «Все, конец, проиграли» — я тут же яростно отбросил. И все мои товарищи тоже. Я это понял потому, как вдруг резко изменилась картина игры. Немецкая команда оказалась прижатой к своим воротам, наши устремились вперед, все, включая защитников. Душевный подъем, охвативший всех нас, был так велик, что великолепные немецкие футболисты, превосходившие нас и опытом и техникой владения мячом, были бессильны что-нибудь ему противопоставить.

...Отвлечемся теперь на минуту от той игры и вообразим себе, что происходит она не двадцать лет назад, а в наши дни. Дело идет к концу, и сборная СССР проигрывает чемпиону мира 1:2. Воспринимает ли кто-нибудь на поле или на трибуне случившееся как катастрофу, как нечто невозможное и недопустимое? «Ну, уступили лучшей команде мира с почетным счетом... Хорошо уже, что играли на равных или почти на равных... За такое поражение никто строго не спросит, оно естественно и простительно...»

Цитируя не высказанные никем слова о никогда не бывшем матче, я, тем не менее, не фантазирую и ничего не преувеличиваю. Не этот, выдуманный, так другие матчи проигрывали. И той же сборной ФРГ, и англичанам, и бразильцам, и шведам. И в гостях и дома. И атмосфера на поле и вокруг была вполне благодуш-

ная: все в порядке, все так, как и быть должно, – выше головы ведь не прыгнешь...

А в спорте тот, кто хочет добиться убедительных побед, обязан пытаться прыгнуть выше головы.

Мы уходили с поля, не слыша счастливого рева трибун. Мы не слышали и не видели ничего. Входя один за другим в раздевалку, мы валились в кресла, не в силах сделать больше ни одного движения, даже нагнуться, чтобы расшнуровать бутсы. Мы не могли даже улыбаться. Да и не хотелось – мы были опустошены этой игрой настолько, что не было сил ощутить счастье, победы.

Это было, как глубокий сон или забытье, из которого выходить не сразу, постепенно, когда шум, и похлопывания по плечу, и рукопожатия кажутся нереальными, а лишь продолжением сна, и только потом становятся слышны отдельные слова, и узнаешь чей-то знакомый голос, и вдруг ощущаешь: это явь! И полуторачасовая борьба, и влетевшие в мои ворота мячи, и наступивший в игре перелом, и рвущийся вперед Толя Масленкин – все было наяву! И наяву мы победили чемпионов мира, подарив радость десяткам тысяч людей.

Тот матч с чемпионами мира был неофициальным, и выигрыш не принес нам ни титулов, ни медалей, но для нашего футбола он был важнее любого официального и, может, даже финального матча. Сборная СССР снова была сильной, боеспособной, поверившей в себя.

«Король умер, да здравствует король!» – говорят французы. Менее трех лет назад мы, молодые совсем еще футболисты, были свидетелями кончины олимпийской сборной 1952 года. Ее гильотинировали на наших глазах. Команде не простили поражения в матче с югославами на Олимпиаде в Финляндии. Уволили в отставку прекрасного тренера Бориса Андреевича Аркадьева, расформировали лучший клуб – ЦСКА, где играли такие великолепные футболисты, как Всеволод Бобров и Владимир Никаноров, Валентин Николаев и Анатолий Башашкин, Юрий Нырков и Виктор Чистохвалов, Алексей Гринин и Владимир Демин. Наш футбол сразу лишился и сборной, и клуба-лидера, и лучших игроков. И вот сборная снова существует! Мы редко хвалим наш футбол, зато ругаем его постоянно: и за ставшие уже привычными неудачи на мировой арене, и за серую игру команд на чемпионате страны, и за то, что, не в пример футболу пятидесятых и начала шестидесятых годов, почти не выдвигает он из своих рядов игроков выдающегося класса, и за многие другие грехи. Все это справедливо – нынешний футбол дает куда больше поводов для упреков, чем для комплиментов. Только – в этом я убежден – не абстрактный футбол надо бранить, а конкретных его руководителей. История гибели и воскресения сборной говорит о том, как крепки корни нашего футбольного дерева. Но если мы с него много лет снимали чахлые, незрелые плоды, значит,

неважные мы садовники, значит, плохо работают люди, стоящие у руля футбола. Однако я отвлекся...

Через год после выигрыша у команды ФРГ новая сборная отправилась в Мельбурн на Олимпиаду.

Не стану подробно описывать, как ехала советская олимпийская команда в Австралию, как жили мы в удивительном городе под названием «олимпийская деревня», где близко познакомились и сдружились со спортсменами многих стран; как болели за своих, ежедневно уезжавших из «деревни» на разные олимпийские арены и возвращавшихся вечерами, одни счастливые, с медалями, с рекордами, другие, убитые горем. О первой нашей игре – с объединенной командой Германии – я тоже вспоминать не буду: она сложилась для нас легко, И мы уже про себя присоединили к этой победе еще одну, в очередном матче с индонезийцами.

С какой легкостью мы завладели инициативой! Как легко подходили наши форварды к штрафной площади индонезийцев! Мне нетрудно было любоваться игрой моих партнеров: ведь я выполнял роль не столько участника, сколько зрителя – мяч почти не пересекал средней линии, и я несколько раз уходил от своих ворот чуть ли не к центру поля.

Нам оставалось лишь одно – подтвердить свое полное превосходство голом. Но время шло, а гола не было. Десять игроков индонезийской команды сгрудились у своих ворот, оставив впереди лишь одного на-

падающего. Мяч никак не мог проникнуть за сплошной частокол ног и тел футболистов двух команд.

Однажды вся эта сумятица едва не закончилась катастрофой. После очередного удара мяч срикошетил почти к середине поля, где, кроме центрального нападающего индонезийцев, никого не было, и тот, подхватив его, без всяких помех устремился к моим воротам. А я в этот момент как раз вышел далеко вперед. Что делать? Бежать назад? Ждать, когда форвард сам сблизится со мной? Я выбрал третий путь: как заправский защитник бросился ему навстречу. И не ошибся. Индонезийский форвард, видимо, растерялся, отпустил мяч, и я поспел к нему первым. «Ну все в порядке, подумал я, теперь ударить посильней...» Сам не знаю, почему я так не поступил. Может, наше преимущество меня заворожило, а может, усыпила та легкость, с какой я обыграл нападающего. Так или иначе, но только на глазах изумленной публики, приведя в трепет своих товарищей по команде, я стал обводить индонезийца. Уж потом мне рассказывали, что запасные на трибуне в этот миг замерли от ужаса, а Качалин, наш невозмутимый тренер, побелел, как мел, и закрыл лицо руками. К счастью, все обошлось благополучно, финт удался, и я отпасовал мяч партнерам. Но больше за всю свою футбольную жизнь я никогда не испытывал судьбу, не проверял, умею ли играть как нападающий или защитник.

Больше мяч у наших ворот не побывал, он не покидал индонезийской половины поля. Ничего не изменилось и в добавочное время. Ничего, в том числе и счет, а это значило, что на следующий день мы должны снова выйти на полуторачасовой матч да еще в тридцатиградусную жару. Такого оборота дела наши тренеры не предвидели, и перед переигровкой Качалин наставлял команду: «Бейте издалека, бейте, как можно чаще. Не бойтесь промахнуться. Чем больше ударов, тем больше вероятность точного попадания. Заставьте вратаря работать с полной нагрузкой. Дайте ему возможность ошибиться, ту самую возможность, которой вы лишили его вчера». Мы победили, забив четыре гола. Но какой ценой! (Нет куска текста. – *Aslanov*)

Судьбы и люди

Таков уж спорт: любой, самый счастливый финиш – лишь предшественник очередного старта, причем прошлые победы, как бы значительны они ни были, не дают никаких дополнительных привилегий. Каждый лишний день праздничных каникул в связи со вчерашним успехом чреват опасностью поражения в будущем. Одним словом, мы недолго принимали поздравления. Жизнь сурово требовала от нас работы, тяжелой будничной работы. Через год сборной предстояло испытание посложнее олимпийского турнира: чемпионат мира, первый в ее истории. чемпионат с участием шестнадцати сильнейших сборных земного шара, шведский чемпионат мира 1958 года.

Но 16 – это лишь участники финальной части первенства мира. Чтобы получить право быть в их числе, надо хорошо сыграть в отборочном турнире. В частности, нам предстояло провести по два матча с командами Польши и Финляндии.

В те времена редкий турнир проходил у нас без неожиданностей. Видно, не хватало еще опыта и класса, чтобы ровно пройти всю дистанцию. Олимпийские матчи с командой Индонезии – яркий тому пример. Не сумели мы сразу победить и в отборочном турнире. Про-

играв полякам один матч и выиграв у них другой, мы набрали с ними одинаковое количество очков. Значит, переигровка на нейтральном поле. Местом дополнительной встречи был избран Лейпциг.

Наш поезд отходил от Белорусского вокзала. Обычно предотъездные минуты тянутся черепашьям шагом, ждешь, не дождешься, когда, наконец, поезд тронется. На этот раз время мчалось вперед галопом. Десять, пять, две минуты остается до отправления, вот уже покинули вагоны провожающие, а двух торпедовских форвардов – Стрельцова и Иванова – нет.

Побледневший и притихший, понурился и ни на что, уже не надеясь, сидит на откидном стульчике в коридоре наш тренер Гавриил Дмитриевич Качалин. Он словно и не заметил, что поезд тронулся, не бросил даже прощального взгляда в окно. И вдруг неожиданно начальник поезда сообщает, что в Можайске мы сделаем минутную остановку, чтобы принять двух опоздавших пассажиров. Говорят, они прибежали на перрон, когда наш состав еще не скрылся из виду, застали там провожающих, и один из них, усадив обоих в свою машину, бросился по Можайскому шоссе вдогонку.

Это сообщение переположило всех, кроме Качалина, Ни радости, ни оживления не увидел я на его лице. Он понуро поднялся со своего места, подозвал к себе Игоря Нетто, Никиту Симоняна и меня – трех самых старших из игроков сборной – и каким-то невыра-

зительным, бесцветным голосом сказал:

– Если верно, что они к нам присоединятся в Можайске, решайте их судьбу сами. И разговаривайте с ними сами. Как вам подскажет совесть, – так и поступайте. А я с ними говорить не могу. И видеть их не могу...

Поезд действительно притормозил у станции, принял ожидаемый «груз» и двинулся дальше, а мы с опоздавшими заперлись в купе. Читать мораль мы им не стали.

– Мужчины вы или сопливые мальчишки? – сказал кто-то из нас, кажется, Симонян. – Мужчины? Так докажите это в игре! Посмотрим, сумеете ли вы смыть свой позор...

Игра была тяжелая, как все решающие игры. Мы победили. Стрельцов и Иванов играли блестяще.

Вся эта история с опозданием, возможно, вскоре бы и забылась, если бы один из ее «героев» не стал вскоре «героем» другой, похуже.

... – Погляди-ка, что там творится, – подозвал меня к окну сосед по комнате. У ворот спартаковского стадиона в Тарасовке один за другим выстроились три милицeйских автомобиля. Тут же, вперемежку с работниками милиции, стояли наши тренеры и игроки. Через несколько минут машины развернулись и укатили. Вместе с прибывшими уехали и три футболиста – Эдуард Стрельцов, Борис Татушин и Михаил Огоньков. Куда? Зачем? «Для выяснения обстоятельств», – коротко и

неясно объяснили нам тренеры.

Как выяснилось вскоре, обстоятельства были пре-скверные. Ни один из трех больше не вернулся на базу, на нашу тарасовскую базу, где сборная жила и тренировалась последние дни перед отъездом на первенство мира 1958 года. Стрельцов должен был предстать перед судом по обвинению в уголовном преступлении, Огоньков и Татушин оказались в чем-то причастны к делу, и всех троих еще до решения суда, по материалам статьи в »Комсомольской правде», дисквалифицировали.

Тогда мы не знали подробностей дела и тяжело переживали случившееся: в беду попали люди, жившие с нами бок о бок, люди, с которыми соединила нас футбольная судьба. А где-то в глубине души, рядом с жалостью и надеждой, жило чувство обиды на них. Мы готовились к первенству мира, а в этот момент трое тех, кого мы считали своими товарищами, устраивают где-то на даче ночную попойку, не берегут себя, попадают в какую-то темную историю и, в конце концов, наносят команде страшный удар – надо ли объяснять, что значит для команды потеря сразу трех ведущих игроков?

...Маленький городок Хиндос, недалеко от Гетеборга. В густом сосновом лесу – двухэтажный коттедж с сауной, массажной, залом для настольного тенниса. Под рукой – стадиончик. Неподалеку – озеро. Здесь мы готовились к первым матчам чемпионата мира – встре-

чам с англичанами, бразильцами и австрийцами. Эти три сборные попали по жребию в нашу группу. И чтобы продолжать борьбу, нам надо в групповом турнире занять первое или, в крайнем случае, второе место.

На чемпионатах мира ждать милостей от жребия не приходится: слабые команды остались за чертой финала. Правда, две-три – из Африки, Азии или Австралии – получают места среди шестнадцати избранных, как представители континентов, где футбол еще не получил широкого развития. Эти команды рассеивают по разным группам, но, поскольку таких групп четыре, слабых хватает не на все. В данном случае не хватило на нашу группу. Зато нам в партнеры достались англичане, всегда задававшие тон в мировом футболе, австрийцы – постоянно игравшие в нем заметную роль, и бразильцы, как выяснилось позднее, – лучшая команда мира. Да, фортуна явно испытывала новичков. Но мы тогда не знали, что это далеко не все сюрпризы, которые она приготовила нам в Швеции.

Все в Хиндосе располагало к нормальной работе и ровному расположению духа. После тарасовской духоты, потрясений, связанных с отчислением из команды трех игроков, всегда утомляющих проводов и напутственных речей мы быстро приходили в себя, восстанавливая телесное и душевное равновесие. Увы, оно было поколеблено первым же матчем.

Этот первый на чемпионате матч – с англичанами –

мы сыграли вничью – 2:2, а могли и должны были выиграть. Но ни одному из нас корить себя в тот несчастливый, я бы даже сказал, роковой, день было не за что, и никто не прятал глаза перед тренером.

И мы, и англичане играли хорошо, однако мы – лучше. Оборона наших соперников хоть и возглавлялась одним из лучших игроков в истории английского футбола – Биллом Райтом, чаще ошибалась, чем наша, а форварды и полузащитники команды СССР действовали более изобретательно и разнообразно, чем английские. Угрозы на их ворота обрушивались с разных сторон, нам же по-настоящему угрожал лишь центрфорвард – Кеван.

Этот рыжий, почти двухметрового роста британец был как бы живым воплощением классического типа английского центрфорварда. Его невозмутимость, храбрость, целеустремленность вызывали уважение и восхищение. Партнеры посылали и посылали высокие мячи в нашу штрафную, а он, как таран, напрямик шел мячу навстречу, шел напролом, сметая всех, кто пытался встать на его пути.

Первым обычно встречал Кевана наш центральный защитник Костя Крижевский. Он уступал Кевану в росте, но имел не менее твердый характер и редкую прыгучесть. Не раз после столкновения с этим стокилограммовым гигантом Костя падал на траву, и казалось, что он уже не сможет подняться – с такой силой отбра-

сывал его от себя английский таран. Но Крижевский вставал и шел на новое столкновение, не только не уклоняясь от него, а ища его настойчиво и упорно.

О моей полуторачасовой дуэли с Кеваном после этой игры много писали в газетах. Его манера диктовала и мою тактику, я выходил ему навстречу и играл на опережение, стараясь завладеть мячом на миг раньше, чем он опустится на голову Кевана. Ростом и весом природа не обошла и меня. Встречаясь в воздухе, мы оба не слишком заботились о том, чтобы не помять, друг другу бока, и я чувствовал, что ему не меньше достаётся от моих локтей, коленей, плеч, чем мне от его. Но англичанин не искал сочувствия у судьи, не катался по траве, взывая к его жалости. Всякий раз Кеван лишь сжимал свои челюсти, молча поднимался и через минуту опять врезался всей своей огромной тушей в Крижевского или в меня.

Всего один-единственный раз мяч раньше коснулся рыжеволосой головы Кевана, чем его достал Костя Крижевский, и именно тогда мяч влетел в дальний от меня угол ворот. Но это случилось уже во втором тайме, а первый мы выиграли 2:0.

Пропущенный гол нас не обескуражил. Было видно: англичанам не уйти от поражения – ничего кардинального для изменения характера игры они не предпринимают и, видно, предпринять не могут. Но когда до конца оставалось меньше десяти минут, Кеван ринулся в

очередной раз к моим воротам. Мяч был у него в ногах, и он мчался прямо на Крижевского, пытавшегося прикрыть меня. Вблизи штрафной площади они резко пошли на сближение, оба оказались на траве, а мяч вкатился в штрафную, и я спокойно завладел им. И тут-то произошло непоправимое: судья Жолт вдруг дал свисток и показал – пенальти!

Жолта окружили наши игроки, показывая на поднимающегося Кевана – тот лежал вне пределов штрафной, но судья, растолкав футболистов, схватил мяч и поставил его на одиннадцатиметровую отметку.

Это была страшная несправедливость – весь стадион видел, что англичанин упал вне штрафной площади. Да и Костя сыграл чисто. Все во мне кипело и, забыв обо всем на свете, я сорвал с головы кепку и швырнул ее в Жолта, к счастью, он, занятый препирательствами с нашими игроками, этого не заметил.

Другой английский форвард – Финней забил пенальти, и матч закончился вничью.

Мы уезжали со стадиона, удрученные украденной у нас победой. Хоть и понимали, что играли хорошо. Теперь нам оставалось лишь одно: верить, что еще не все потеряно. Утешало и то, что голы англичанам забил Никита Симонян и Саша Иванов – игроки, занявшие те места, на которых должны были играть Стрельцов и Татушин.

Если бы знали мы тогда, во что обойдется нам это

украденное судьей очко!..

Матч с австрийцами мы выиграли 2:0. Следующими были бразильцы. Молва о них уже долетела до нашей лесной дачи, и мы понимали: все, что было, – цветочки, ягодки впереди.

Конечно, нам хотелось самим посмотреть, как выглядят эти легендарные бразильцы в деле, хотя бы на тренировке.

Но как-то так получалось, что не удавалось их в нужный момент отыскать. Пронесется слух, что они в лесу занимаются на дальней поляне, и мы, всей командой, – туда. Протрусим километра три, а поляна пустая. Мы – домой. Там новая весть: уехали на стадион в Гетеборге. Мы садимся в автобус и едем в город. А их и след простыл. «Были, – говорят, – уехали недавно в лес...» Зато, как только мы выходили на тренировку, тут же появились полтора десятка смуглых белозубых ребят и приветственно махали нам руками.

Без мяча мы с ними встречались нередко. Ходили, друг к другу в гости, играли в пинг-понг, в бильярд, просто болтали на некоем футбольном эсперанто, где мимика и жесты легко заменяют слова. Ребята они оказались приветливые и свойские, а с их знаменитым вратарем Жильмаром мы просто подружились, если применимо это слово к отношениям с человеком, с которым говоришь на разных языках.

Остальных, кроме Жильмара, я, признаться, до вы-

хода на поле не различал, хотя знал уже такие имена, как Джалма Сантос, Диди, Вава, Гарринча.

Но едва только начался наш матч, я быстро разобрался, «кто есть кто». Нам сразу стало понятно, что самые высокие похвалы их мастерству не содержат ни капли преувеличения.

Уже на первой минуте с виду нескладный Гарринча каким-то невообразимым финтом уложил на траву Кузнецова, промчался с мячом по краю и пробил так, что мяч, ударившись в стойку ворот, отлетел в центральный круг. Еще через несколько секунд все повторилось в точности: рывок Гарринчи, лежащий Кузнецов, удар в штангу, и мяч, отскочивший к середине поля. Нечто подобное повторялось потом не раз, и оба гола забил после прострельных передач Гарринчи Вава, на неуловимый миг опережавший Крижевского. Кузнецов проиграл единоборство Гарринче, так же, как не смог справиться с Вава Крижевский, а с Диди Игорь Нетто. Но если бы я был тренером нашей команды и мне надо было бы выставить всем трем оценки, я бы без колебаний вывел три пятерки. И не только за этот матч, а за турнир вообще. Каждый из них вправе был с чистой совестью сказать: мы, защитники, сделали все, что могли. Думаю, что они сделали даже больше, чем могли.

Крижевский и Кузнецов были моими товарищами по динамовской команде, и обоих я знал достаточно близко. Люди они были разные, но их роднила беззаветная

верность дружбе, той спортивной дружбе, которая проявляется не в словах, не за столом, а на поле.

Для Крижевского игры с англичанами, австрийцами и бразильцами превратились в бесконечную цепь единоборств с Кеваном, Буцеком и Вава – тремя великими центрофорвардами мирового футбола тех лет. Два или три столкновения с ними он, битый-перебитый, не успевший восстанавливаться от матча к матчу, проиграл, но сотни – выиграл. Что стоили ему эти выигрыши, мы видели в раздевалке. Он снимал футболку, гетры, трусы, и обнажалось его сильное, мускулистое тело, на котором живого места не было. Его даже освобождали от междуматчевых тренировок, и он пластом лежал в своей комнате, восстанавливая до капли истраченные силы. А на очередной игре он опять выглядел невозмутимым, свежим, готовым к борьбе, и можно было лишь догадываться, чего стоит ему этот благополучный вид.

Борис Кузнецов был в жизни куда заметнее Крижевского. В отличие от Крижевского – человека тишайшего нрава он мог и ответить резко, и вспылить, и пошутить так, чтобы все услышали, да и вообще не прятался в тень. И на поле он тоже был видной фигурой. Старые болельщики хорошо помнят и его постоянные рейды вдоль левого края, которые часто заканчивались резкими и точными ударами по воротам, и его филигранные подкаты, когда убежавший от Кузнецова соперник

вдруг обнаруживал, что убежать-то убежал, но без мяча...

Спустя годы мы по иностранным моделям изучали и тактику рейдов, совершаемых знаменитыми защитниками, и технику подкатов. Кузнецов и Крижевский делали эти подкаты задолго до того, как увидели их в исполнении англичанина Райта. И тот же Кузнецов, Виктор Чистохвалов и Анатолий Крутиков совершали глубокие рейды по флангам еще в то время, когда возведенный в ранг их основоположника итальянец Факкетти ходил в коротких штанишках. На шведском чемпионате Кузнецову тоже пришлось тяжело.

Против него играли всемирно знаменитые края – англичанин Финней, швед Хамрин, бразилец Гарринча. Ни Финнею, ни Хамрину так и не удалось переиграть Кузнецова. Ну, а Гарринчу в ту пору не удержал бы ни один защитник в мире. Уникальная колченовость Гарринчи – обе его ноги были искривлены в одну сторону – делала борьбу с ним практически безнадежной. Готовя свой финт, он почти ложился на бок. Казалось, человек, принявший такую позу, удержаться на ногах не в состоянии, но Гарринча удерживался и уносился с мячом от защитника.

Другой защитник на месте Кузнецова, имевшего к тому же репутацию футболиста не слишком выдержанного, впал бы в отчаяние и либо выбросил белый флаг капитуляции, либо пошел бы на грубость. Но

Борис, чувствуя высокую ответственность за каждый свой шаг, снова и снова вступал в честную борьбу с Гарринчей, и поразившему мир бразильцу было все труднее обманывать нашего левого защитника, и атаки бразильцев с правого фланга становились все менее опасны.

А тут еще другой наш крайний защитник – Володя Кесарев наглухо закрыл левого крайнего бразильской команды – Загалло, тоже суперзвезду бразильского футбола, прославившегося позднее и как тренер – это он руководил игрой сборной Бразилии на чемпионате в Мехико, откуда его команда увезла к себе домой «золотую богиню» навсегда.

Владимир Кесарев был прирожденный защитник. В жизни надежный, расчетливый, хладнокровный человек, из тех, у кого все в меру и ничего лишнего. Он эти качества полностью проявлял и в игре. Таких защитников нападающие не любят больше всего – этот не увлечется, не попадет на прием, не рискнет, если риск чреват малейшей опасностью прорыва обороны. Если же тыл обеспечен, то он и вперед пойдет как угодно далеко и благодаря уверенной технике и смекалке сыграет не хуже иного форварда и даже при случае гол забьет...

Мы проиграли этот матч. Изумительные бразильские форварды, поддерживаемые лучшим по тем временам полузащитником в мире Диди, сумели забить

нам два гола. Но если бы вернулось вдруг лето 1958 года и надо было бы нам вновь играть на шведском чемпионате, лучших партнеров в защите, чем Крижевский, Кесарев и Кузнецов, я бы не пожелал.

А проиграли мы бразильцам потому, что не играть не могли, – не было тогда на свете футбольной команды, которая могла бы играть с ними на равных. В полуфинале они со счетом 5:2 разгромили французов во главе с Копа и Фонтеном, а в финале без труда расправились с хозяином чемпионата сборной Швеции. Бразильская сборная была действительно вершиной того футбола, который называли романтическим и который теперь ушел в безвозвратное прошлое. Она имела и созданную ее тренером Феолой систему 2-4-2, и общий стратегический план на чемпионат, и тактический – на каждую игру. Но в рамках плана бразильские кудесники легко и непринужденно творили на поле чудеса. Любой ход их лучших игроков был, как озарение. Видно было: секунду назад футболист еще и сам не знал, как распорядиться мячом. И вдруг принимал решение, самое замысловатое, неожиданное, оригинальное из всех возможных, принимал тут же, на глазах изумленной публики.

Если игры нынешних лидеров мирового футбола вызывают уважение, как добротная, выполненная высококвалифицированными мастерами своего дела работа, то в исполнении бразильцев она выглядела велико-

лепным спектаклем, исполненным ансамблем виртуозов. Этой игрой можно было любоваться.

Такой команде мы проиграли в борьбе, которую никак не назовешь «игрой в одни ворота». Мы не раз захватывали инициативу и создали несколько отличных голевых ситуаций.

Я говорил уже, что на поле сразу же стал узнавать каждого из бразильцев, особенно форвардов, и лишь одного не запомнил. Просто не мог припомнить, как он выглядит, сколько ни старался. Этот единственный – Пеле, легендарный Пеле, чья звезда взошла и сразу засверкала невиданным блеском именно там, на шведском чемпионате. Матч с нами был первым его международным выступлением в составе сборной Бразилии. Но о том, что есть в команде семнадцатилетний вундеркинд по прозвищу «Пеле», мы были наслышаны. Уже в следующих играх все убедились, что в устных и письменных рассказах о его удивительном таланте нет преувеличений, а вот в матче со сборной СССР Пеле так и не удалось ничем себя проявить.

Тут надо учитывать, что этот международный матч был для него первым, но, мне кажется, есть и другая причина: Качалин поручил Пеле заботам Виктора Царева.

Футболист этот в нашем футболе – фигура необычная, стоящая несколько особняком. Любой игрок сборной – человек, заметный чем-то своим, только ему од-

ному свойственным. Тот славился быстрым бегом, этот – тонким пониманием игры, третий – длинными рывками, четвертый – неотразимыми ударами, пятый – дриблингом. Ни изяществом в обращении с мячом, ни быстроногостью, ни ростом, ни статью, Царев ничем среди прочих не выделялся. Даже и внимательный зритель после матча московского «Динамо» или сборной мог бы не запомнить, участвовал ли в матче Царев. Если же и запомнил, то на вопрос, хорошо ли он играл, ответить бы затруднился. Между тем Царева не один год приглашали в сборную и включали в состав на ответственные игры, и были правы, потому что одним, и притом редчайшим, качеством этот футболист владел в полной мере. Это качество – исполнительность. Качалину не надо было разжевывать Цареву его игровую задачу. Достаточно было сказать лишь: «Виктор, вам поручается играть с Пеле», – и тренер мог быть уверен, что Царев сделает все возможное и невозможное, чтобы самый опасный форвард был обезврежен или, как мы говорим, «остался без мяча».

И при этом Царев не совершал никаких внешне героических поступков, не разрывался на части, не носился метеором по полю. Он, как пластырь, приклеивался к «своему» игроку и неотступно сопровождал его, куда бы тот ни пытался от него скрыться. Тот делал стремительные рывки, мчался с фланга на фланг с такой скоростью, что, казалось, и ветер его не догонит, а Царев

рев трусил рядом своей неторопливой рысцой, и как только противник готовился принять мяч, оказывался тут, как тут, и отвязаться от него было невозможно. Чаще всего к концу игры соперник выглядел физически и нервно вымотанным, причем его усталость особенно бросалась в глаза, поскольку рядом был свежий, спокойный и невозмутимый Царев.

Нет, Царев не относился к числу таких унылых, безынициативных, добровольно лишивших себя права думать исполнителей чужой воли. Если позволяла обстановка, он мог, оставив вдруг порученного его опеке соперника, пойти вперед, помочь в атаке, сам выйти на позицию для удара по воротам (кстати, удар у него прекрасный). Но это – если позволяла обстановка. Как говорится, сперва – долг, а потом – удовольствие. Долг был для него превыше всего на свете. И именно высоко развитое чувство долга позволило ему стать нужным, а иногда и просто незаменимым игроком сборной.

Вот он-то, Виктор Царев, многое сделал для того, чтобы не в первом своем, а только во втором международном матче удалось Пеле обратить на себя всеобщее внимание.

Матчи СССР – Бразилия и Англия – Австрия шли одновременно. Тот, второй, закончился вничью – 2:2. Значит, мы набрали столько же очков, сколько англичане. Значит, переигровка. Значит, пока соперник победителя этой переигровки – сборная Швеции – будет

отдыхать, и набираться сил, мы должны потратить все оставшиеся в дополнительном матче с англичанами. Вот когда мы в полной мере ощутили силу удара, нанесенного нам судьей Жолтом. И сила этого удара удваивалась отсутствием трех проштрафившихся – Стрельцова, Огонькова, Татушина. Пусть им на смену пришли футболисты, вполне достойные и хорошо проявившие себя в гетеборгских играх, но их-то, усталых, изрядно побитых во время игр с Англией, Австрией и Бразилией, заменить было уже некому.

Сыграй мы дополнительный матч с англичанами вничью, участника четвертьфинала определила бы монетка, брошенная судьей на траву в центральном круге. Однако счастье – первый и единственный раз на этом чемпионате – улыбнулось нам, и «орлянка» не состоялась. Игра, где две донельзя изнуренные команды соревновались не столько в мастерстве, сколько в терпеливости и способности трудиться «через не могу», закончилась со счетом 1:0 в нашу пользу. Справедливость восторжествовала. Но какой ценой добыто было это торжество!

Однако и на этом наши шведские злоключения не закончились. Четвертьфинальный матч был назначен в Стокгольме. Швеция – страна небольшая, и ее можно за день проехать поездом или автомобилем из конца в конец. Но для нас почему-то выбрали воздушный путь. Самолет улетал около двух часов ночи, и несколько

часов нас продержали в крошечном аэровокзале, где и сидеть мы могли только по очереди. В Стокгольме мы попали засветло, а спать улеглись, когда трудовой день уже начался. И тут выяснилось, что отель, куда нас поместили, находится едва ли не на самом бойком месте в городе. Одна его сторона выходила на железную дорогу, другая – на стройку, где всюду стучали отбойные молотки.

Поднялись мы измученные, невыспавшиеся и в таком состоянии вечером вышли на матч со шведами.

Не знаю, чем была вызвана вся цепь неудобств, но выглядело все это совсем непонятно в стране, которая славится своим умением создавать комфорт приезжим, в городе, который знаменит на весь мир своим туристским сервисом...

Первый тайм матча со шведами мы еще держались, но на второй нас уже не хватило. Ноги плохо слушались игроков. Мяч отказывался им подчиняться. Шведы полностью завладели положением и победили – 2:0. Нам оставалось утешаться лишь тем, что если бы не потеря трех игроков, не пенальти в матче с англичанами, не этот ужасный переезд из Гетеборга в Стокгольм, все могло бы быть иначе. Но то были слабые утешения. Встречали нас дома более чем прохладно. Да и мы были удручены своей неудачей. Доказывать что-то кому-то было бесполезно – Москва слезам не верит, да и унижительное это занятие плакаться. Ка-

ждый из нас знал: корить ему себя не в чем. Мы сделали все, что могли, а может, даже немного больше. Теперь, с дистанции времени, тот чемпионат видится яснее в сопоставлении с последующими турнирами мирового и европейского масштаба. И сейчас мне ясно, что, если не учитывать те удары, которые обрушила на нас судьба, на первом своем чемпионате советская сборная показала себя командой хорошего международного класса и сумела завоевать плацдарм, с которого можно было начать наступление к вершинам мирового футбола. Так оно, кстати, и было. Два года спустя мы выиграли первый в истории футбола Кубок Европы, спустя еще шесть получили бронзовые медали мирового первенства.

Видимые и невидимые миру слезы

Это была жуткая сцена. Не верилось, что все происходит не на экране, а в жизни. Казалось, вот-вот вспыхнут юпитеры, застрекочут кинокамеры и начнется съемка эпизода под названием «Истерика».

По узкому бетонированному туннелю брел человек. Он издавал какие-то нечленораздельные вопли — смесь проклятий, рыданий и стонов. И каждый свой шаг он отмечал страшным ударом кулака о шершавую поверхность стены, оставляя на ней кровавые отметины.

Но нет, то было не в кино, и придумал эту сцену не драматург, а сама жизнь.

Не прошло и двух часов с того момента, как футболисты сборной Уругвая стояли в центре поля рядом с нами, напружинившиеся, пританцовывающие на месте от бьющего через край нетерпения ринуться в бой. После свистка судьи мяч полетел на нашу половину, и стадион маленького чилийского городка Арика, почти целиком набитый прилетевшими из Уругвая болельщиками, взвыл от восторга.

Арика — рабочий город, расположенный в горах, на самой окраине Чили, по воле жребия стал нашим вре-

менным пристанищем на чемпионате мира 1962 года. Нашим и еще трех команд – Югославии, Уругвая и Колумбии. Две лучшие команды выходили в четвертьфинал.

В первом матче мы встретились со сборной Югославии – командой, с которой пути сборной СССР в те годы скрещивались повсюду – на Олимпийских играх в Хельсинки и Мельбурне, в финале Кубка Европы. В Арике мы победили сильную и хорошо сыгранную команду – 2:0. Уругвайцы потеряли очко во встрече с Колумбией, считавшейся в нашей группе слабейшей, и это отняло у них право проиграть нам: лишь победа оставляла им реальную надежду на место в четвертьфинале.

Накануне игры местные газеты напечатали интервью с руководителями уругвайской сборной. Те называли огромные денежные суммы, которые обещаны игрокам за победу. Нас эти цифры не удивляли: для такой страны, как Уругвай, некогда владевшей «золотой богиней», располагающей такими всемирно известными клубами, как «Пеньяроль» и «Насьонал», футбольный престиж превыше всего. Мы не удивлялись, понимали: предстоящий матч будет бурным.

И хоть нам, в отличие от уругвайцев, никто не сулил денежных кушей, мы были настроены решительно.

Темперамент уругвайцев, не слишком сдерживаемый рассудком, то и дело выплескивался наружу во

время игры и вел к стычкам, порой переходившим в самые настоящие рукопашные бои. Пожалуй, ни до, ни после того мне не приходилось участвовать в столь жестоком матче. Атмосфера накалилась сразу же, и если гроза и не разразилась, то заслуга в этом наших ребят. Команда сумела сохранить самообладание. Ярче всего оно проявилось в тот момент, когда после удара Игоря Численко мяч оказался в воротах. Уругвайцы обступили судью, доказывая, что гола не было, а он твердой рукой показал на центр. Бог знает, к чему могла привести эта словесная перепалка, если бы не наш капитан – Игорь Нетто. Он подвел судью к воротам, показал ему дыру в сетке и объяснил, что мяч влетел через эту дыру.

Гол не засчитали. В тот момент мы вели 1:0, и второй мяч решал многое. В такой обстановке истинно джентльменский жест нашего капитана должен был показать, что нечестной борьбы и нечестного выигрыша нам не надо. Но неисповедимы пути, какими бродят мысли в разгоряченном человеческом мозгу. То ли увидели уругвайцы в этом жесте проявление нашей самоуверенности, то ли оскорбительную недооценку их сил. Так или иначе, наша демонстрация джентльменства и выдержанности возымела неожиданные последствия – уругвайцы ожесточились еще больше.

Но хоть и неприятно было играть против столь злого противника, многое в его поведении не могло не вы-

звать уважения, И то, что сражались уругвайцы за победу доблестно, до последней секунды. И то, что, нанося удары соперникам, не ныли, когда получали ответные. И то, что не паниковали, когда влетали в их ворота мячи. И то, что рвались к нашим воротам, презирая опасности.

И вдруг, по свистку судьи об окончании матча, одиннадцать молодых, сильных, достойных уважения мужчин превратились в жалких истериков. Падает на траву и бьется в конвульсиях вратарь, одни рыдают в голос, другие молча размазывают по лицу слезы, а самый лучший, самый известный и самый стойкий из игроков – центральный нападающий Саска разбивает в кровь кулаки.

Вот вам и игра. Вот вам и забава... Какая там забава!

Давно уже перерос большой футбол для тех, кто им занимается, рамки развлечения. Для них он становится делом жизни. Победа на крупных турнирах возносит человека на вершину славы и дарит ни с чем несравнимое счастье, поражения равнозначны крушению надежд, воспринимаются как непоправимое несчастье.

Век футболиста короток: не поймал миг удачи сегодня – завтра будет поздно, твое место жаждут занять десятки молодых, тщеславных, не знающих пощады. И каждый матч большого футбола – это не только финты и пасы, удары по воротам и броски вратарей, это еще и потоки видимых и невидимых миру слез, и рвущийся

наружу восторг победителей.

Не знаю как кому, а мне вид поверженных и раздавленных отчаянием соперников омрачает радость победы. В такие минуты мне неловко не то, что выказывать радость, мне неловко встречаться с побежденными взглядом. Я ставлю себя на его место. Разве я сам не бывал в его положении? Или не мог оказаться сейчас?

Вот почему я – против диких плясок триумфаторов, неумеренных выражений восторга, бурных объятий. Есть в таких проявлениях нечто, недостойное настоящего мужчины. И настоящего мастера, которого сдержанность лишь украшает. Ну, ладно, забил ты хороший гол, взял трудный мяч, победил, наконец. Так на то ведь ты и мастер, и забивать или брать мячи – твоя обязанность. И надо горевать, если ты с ней не справляешься. А терять чувство собственного достоинства на глазах тысяч людей, проявлять неуважение к себе и своему товарищу по футболу – такое может лишь унижить и тебя самого и твое дело.

Да, жаль мне тогда было уругвайских парней. Но к жалости примешивалось и другое чувство. Если не бояться называть вещи своими именами, я бы назвал его брезгливостью. Уж очень противоестественное это зрелище – истерически рыдающий мужчина. Это еще почище ритуальных плясок победителей. Даже не представляю, существует ли вообще жизненная

ситуация, при которой можно было бы оправдать молодого, полного сил, пышущего здоровьем спортсмена, ревущего на людях в голос. Конечно, побежденному иной раз трудно сдержать слезы – это я понимаю, сам это испытывал, но выплеснуть свои слезы публично, не удержаться до того момента, когда останешься наедине с самим собою – такое простительно разве что юной фигуристке, но уж никак не футболисту.

Моя футбольная жизнь сложилась, в общем, и целом счастливо. Но и мне футбол принес не так уж мало горьких переживаний. И, быть может, самые горькие, когда я был на грани отчаяния, связаны с Арикой.

Вот как все это произошло...

Матч с самой слабой в нашей группе командой Колумбии мы свели вничью – 4:4. Это была одна из игр, воспоминания о которых не доставляют удовольствия. Началась она для нас более чем благополучно. Во втором тайме мы вели 4:1, дело пахло еще более крупным счетом, и вдруг все полетело вверх тормашками. Колумбийцы подавали угловой. Мы расположились по обычной схеме: я занял место у дальней (отбившего) стойки ворот, Гиви Чохели, наш левый защитник – у ближней. А между Чохели и угловым флангом встал Игорь Нетто, чтобы при случае отбить летящий мимо него мяч. Мяч и в самом деле пролетел мимо Нетто, едва не задев нашего капитана, но он увернулся от мяча – боялся, что снова выбьет его на угловой, а тот, как

сказочный колобок, уйдя от Нетто, полетел прямо на ногу Чохели. Я крикнул: «Гиви, играй!» Как оказалось после, Гиви показалось, что я кричу: «Гиви, играю!» Так или иначе, Чохели повторил маневр Нетто, и мяч, никого не задев, влетел в сетку.

В общем-то, ничего страшного не произошло: 4:2 – тоже неплохо. Тем более что игра шла к концу. Но что-то резкое сказал я в тот момент Нетто и Чохели, они ответили, в перебранку вмешался кто-то из форвардов: «Вот, мол, мы забиваем, а вы только пропускаете...» Мы отпарировали этот наскок. И вспыхнувший разлад не замедлил сказаться на игре. Колумбийцы забили нам еще два мяча и в последние пять минут непрерывно атаковали, доставив мне больше неприятных хлопот, чем за все остальные восемьдесят пять минут. Все обошлось благополучно, от поражения мы ушли, да если бы и не ушли, в четвертьфинальную часть чемпионата все равно бы попали. Уже потом, когда все для нас в Чили кончилось, ребята говорили: «Может, было бы лучше проиграть: заняли бы мы тогда в группе не первое, а второе место и играли бы следующий матч не на поле Арики, а на другом». Но мы остались в Арике и встретились в четвертьфинале со сборной Чили, которая прибыла к нам в сопровождении тысяч своих болельщиков.

О матче с колумбийцами, может, и не стоило бы говорить так подробно спустя почти полтора десятка лет.

Но я ведь вспоминаю сейчас события, которые привели меня к самым горьким дням в моей футбольной жизни. Началось все на этой игре, закончилось на игре с Чили. Последствия я испытал дома, в Москве.

Если матч с Колумбией мне вспоминать неприятно, то игра с Чили до сих пор кажется кошмарным сном. Чилийская команда была слабее нас, слабее югославской и уругвайской. Но в Арике, несмотря на то, что чилийцы играли не лучше, чем обычно, мы проиграли.

Рецензируя такие матчи, как этот, журналисты обычно пишут: «Игра проходила при подавляющем преимуществе одной из команд». И действительно, не могу припомнить и сосчитать всех ситуаций, когда мы обязаны, были забить, просто не могли не забить гол.

У наших ворот опасности возникали за девяносто минут лишь трижды. Первая – в самом начале, когда кто-то из чилийцев прорвался с мячом во вратарскую площадку. Мне пришлось кинуться ему в ноги, и, поймав мяч, я получил такой страшный удар ногой в голову, что минуты полторы пролежал без сознания.

Следующая возникла в середине первого тайма. Судья назначил штрафной в нашу сторону, указав на точку метрах в восемнадцати от ворот, у угла штрафной площадки. Выстроилась «стенка». Я посмотрел, – казалось, вроде бы все в порядке: «стенка» закрыла одну сторону ворот, я – другую. Свисток... Удар... Все происходит почти одновременно, одно от другого отделя-

ют считанные мгновения. Считанные, но все-таки отделяют. И достаточно было кому-то, стоявшему крайним в нашей «стенке», броситься навстречу удару, как чилийский нападающий Санчес успел заметить эту возникшую на неуловимый миг щель и тут же отправил в нее мяч, который и влетел в дальний от меня верхний угол ворот.

Слов нет, Санчес продемонстрировал высокое искусство, но готов держать любое пари: повтори он этот удар сто раз, в девяноста девяти случаях мяч пролетел бы мимо цели.

Между этим, вторым, и следующим, третьим, годовым моментом на поле, казалось, была только одна команда – советская. Чилийцы оборонялись беспорядочно, панически, как в лихорадке. Увы, немного извлекли мы из этого превосходства – всего один гол, но счет все же выровнялся, стал 1:1, а при том, что мы полностью доминировали, и этот гол выглядел, как предвестник крупной победы.

Третья опасность у моих ворот возникла после перерыва. Чилийский полузащитник Рохас подхватил мяч на своей половине поля и повел его вперед. Вот он прошел центральный круг и неторопливо приближается к воротам. Идет себе и идет, и никто ему не мешает. Остальные чилийцы прикрыты, мяч отдать никому, наши, и не беспокоятся. Я сразу почуял недоброе и крикнул Масленкину: «Толя, иди на него!» А Толя,

хоть и не выпускает Рохасаиз поля зрения, вместо того, чтобы атаковать, отступает и отступает. Когда чилиец беспрепятственно добрался почти до штрафной, он вдруг пробил без подготовки метров с двадцати пяти. Не ожидали этого удара ни я, ни другие. Другие-то ладно, а я обязан был ждать. Поздно спохватился, прыгнул за мячом, но достать его уже не смог, и мяч, летевший на метровой высоте, проскользнул в ворота рядом со штангой.

Мы снова наступали, снова трещали стойки чилийских ворот, снова казалось, будто наших игроков на поле вдвое больше, чем чилийцев, но еще одного мяча забить мы так и не сумели и выбыли из чемпионата.

Не стану описывать свое состояние. Наверное, и без этого его нетрудно себе представить. Ни тренер, ни игроки меня не упрекали. Наоборот, все говорили, что мячи мне забили трудные, такие никто, пожалуй, не взял бы, вспоминали первые матчи, в которых довелось мне несколько раз выручить команду, ругали самих себя за то, что не сумели забить пяти-шести верных голов.

Меня все это не утешало. Даже, думал я, если забитые мячи и верно трудные, разве я не обязан был их отразить? И не только трудные, но даже «мертвые»! Для этого и включили меня в сборную. А вспоминать прошлые заслуги да чужие ошибки – это самое последнее дело...

Самолет на Москву улетал из Сантьяго, нам удалось побывать на полуфинальном матче Бразилия – Чили. С тяжелым сердцем наблюдали мы за игрой. Чилийцы проиграли 2:4. Преимущество бразильцев было велико, хотя Пеле не участвовал в матче, а Диди, Вава, Загало, Джалма Сантос были уже не те, что четыре года назад в Швеции. Глядя на поле, мы видели себя на месте чилийской команды и понимали: мы сыграли бы лучше.

Было грустно, обидно, горько. И мне и всем. Всем одинаково. Я не выделял себя среди других. Я не знал еще, какую роль сыграет этот неудавшийся матч с чилийцами в моей личной судьбе. Я не знал, что в те минуты, когда мы, переживая поражение, молча сидели в раздевалке, принимали душ, переодевались, в Москву летела кружным путем, через Сант-Яго, телефонограмма: «В проигрыше виноват Яшин, пропустивший два легких мяча и тем самым обрекший команду на поражение». Ее отстучал один из трех бывших в Арике корреспондентов наших газет, журналист, далекий от спорта, но единственный, кто имел возможность передавать свои репортажи в Москву. Телевидение тогда не знало еще передач на столь далекие расстояния, очевидцы и кинокадры могли помочь восстановить истину лишь много позже. А тогда, по горячим следам матча, приговор, вынесенный журналистом, выглядел бесспорным, окончательным и обжа-

лованию не подлежащим.

Лишь когда мы приземлились дома, я впервые узнал, что чемпионат мира проиграл Яшин. Вот когда мне представился удобный случай в полной мере оценить силу печатного слова. На первом же московском матче едва диктор, перечисляя состав динамовской команды, назвал мое имя, трибуны взорвались оглушительным свистом. Обструкция повторилась, когда я вышел на поле. Злой рокот усилился после того, как мяч попал ко мне в руки, но и это не удовлетворило трибуны, мстившие виновнику поражения сборной. Они свистели неустанно, до конца игры. Я слышал крики: «С поля!», «На пенсию!», «Яшин, иди внуков нянчить!»

На следующем матче все повторилось. На третьем – то же, что на втором. Дома я находил обидные, издевательские письма, на стеклах машины – злобные, оскорбительные надписи. Несколько раз кто-то из самых агрессивных «доброжелателей» разбивал окна в моей квартире.

Каждый выход на поле стал для меня мукой. Да что выход на поле – каждый шаг по городу! Переносить все это было выше моих сил. И однажды, вскоре после возвращения из Чили, я сказал нашему тренеру, ныне покойному Александру Семеновичу Пономареву:

– Больше играть не буду, не могу.

А он, человек, сам все в футболе перевидавший и

переживший, меня и не удерживал:

– Поступай, как знаешь, тебе видней. Пока отдыхай, а там видно будет...

Я уложил в багажник ружье и рыболовную снасть и уехал в деревню. Рыбачил, ходил на охоту, по грибы, просто бродил по лесу. Раздумывал о том, как буду жить дальше, а в футбол, решил я твердо, возврата больше нет.

Но чем дальше отодвигало время меня от футбола, тем чаще я тосковал по мячу. И вот стали мне немилы ни лес, ни речка, ни вся с детства любимая подмосковная природа. Виделись мне во сне и наяву футбольное поле и летающий над ним мяч, и я на своем месте чуть впереди ворот – в черном свитере, в старой моей кепочке, побывавшей на всех материках. И слышались мне гулкие удары бутс по мячу и судейские свистки. И ощущал я запах пахнущей городской пылью, помятой шипами травы... Видел, слышал, чувствовал и начинал сознавать: нет мне без этого жизни.

В один поистине прекрасный день, собрав пожитки, я примчался в Москву, на стадион «Динамо», к Пономареву:

– Хочу играть!

– Давай, раз хочешь, приступай к тренировка, – ответил он, не раздумывая.

И я приступил к тренировкам. Я обживал заново каждый сантиметр своей футбольной жилплощади. По-

степенно привыкал к воротам. Вновь учился, не глядя на стойки и не касаясь их спиной и руками, ощущать их ширину и высоту. Вновь развивал в себе способность в нужный миг отыскивать свое место в прямоугольниках штрафной и вратарской площадей. Такова уж жизнь, а особенно спортивная жизнь, подчас жестокая и несправедливая, но обладающая такой силой притяжения, что человек, отведавший ее радостей и печалей, не может расстаться с нею добровольно уже никогда. Даже если ему 34 года и приходится все начинать заново.

Словно вернулись дни моей футбольной юности. Опять увозил нас, дублеров динамовской команды, собиравшихся у ворот родного стадиона, старенький автобус на подмосковные стадиончики с деревянными трибунами и привозил поздними вечерами в Москву. Опять каждый терпеливо ждал своего часа, того самого часа, когда тренеры, объявляя состав на очередной матч, назовут его имя – пусть хоть в числе запасных. И опять я дождался своего часа.

Сперва, правда, меня ставили лишь на выездные матчи. Памятуя о том, какой прием оказывал мне еще недавно московский зритель, так неохотно меняющий гнев на милость и так легко готовый променять милость на гнев, тренеры справедливо решили, что подготовить столичные трибуны к снятию опалы могут лишь хорошие вести о моей игре из других городов.

А вести шли хорошие. «Динамо» выступало в сезоне 1963 года на редкость удачно. Мы стали чемпионами страны и были близки к победе в розыгрыше Кубка.

И вот осенью, когда сезон шел к концу, одно за другим пришли два известия. Первое – я признан лучшим футболистом Европы, и редакция французского еженедельника «Франс футбол» вручит мне свой приз «Золотой мяч». Второе – я приглашен участвовать в посвященном столетию английского футбола «матче века», в матче между сборной Англии – «сборной мира», или, как ее нарекли, «сборной ФИФА» – командой, собранной под флагом Международной федерации футбола из лучших игроков мира.

Снова, как год и два назад, мое имя, сопровождаемое эпитетами «замечательный», «выдающийся» «неувядаемый», замелькало на страницах газет, а трибуны стали встречать меня аплодисментами. Лишь известие, что я признан за рубежом, заставило журналистов и публику окончательно «реабилитировать» меня дома.

Надо ли говорить, как счастлив я был от обоих этих известий? «Золотой мяч» – высшая честь для футболиста. И это – нечто гораздо более важное и ценное, чем личная награда. Вспомните имена лауреатов «Золотого мяча» разных лет: Ди Стефано, Эйсебио, Вест, Бобби Чарльтон, Альберт, Круиф, Беккенбауэр. Все они большие футболисты. Но все они непременно

еще и представители стран, которые в пору их лауреатства шли во главе мирового футбола. И я сознавал: моя награда – признание футбольных заслуг нашей страны. И еще – признание достижений нашей вратарской школы, потому что в истории «Золотого мяча» это был первый (да и до сих пор пока единственный) случай, когда его вручили вратарю.

Другое известие – о включении в «сборную ФИФА» – тоже принесло мне большую радость. Приглашение исходило от назначенного старшим тренером команды Фернандо Риеры. А ведь он был тренером сборной Чили на первенстве мира 1962 года и, значит, самым пристрастным и внимательным зрителем того матча с чилийцами, который принес мне столько горя. Наверное, не стал бы он включать в свою сборную вратаря – благо, выбор практически безграничен, – который проиграл матч в Арике его же, Риеры, команде и вообще виновен в поражении сборной СССР на чемпионате мира. Уже позже, из газет, я узнал, что именно моя игра с чилийцами в Арике и заставила Риеру остановиться на моей кандидатуре. Он, оказывается, сказал по поводу того матча: «Яшин играл безупречно, и два мяча, что он пропустил, не взял бы никакой другой вратарь».

Но тогда, собираясь на «матч века», я еще не знал, что думает Риера. Да и не так уж было это для меня важно. Я издавна придерживаюсь принципа: нет и не

может быть у спортсмена более сурового судьи, чем он сам.

«Матч века»

Из Москвы в Лондон мы прилетели втроем – председатель нашей футбольной федерации и вице-президент ФИФА Валентин Александрович Гранаткин, тренер сборной Константин Иванович Бесков и я. Нас отвезли в небольшую и не новую, но очень уютную гостиницу напротив Гайд-парка, показали мне мою комнату и сказали, когда спускаться к обеду. В обеденном зале ко мне подошел тренер сборной ФИФА Фернандо Рiera, представился, указал место за одним из столиков и назвал имена тех, с кем мне предстоит в Лондоне вместе обедать, завтракать и ужинать:

– Копа, Шнеллингер, Эйсебио, Джалма Сантос...

Всех я видел не впервые, против кое-кого приходилось прежде играть, с Копа был даже хорошо знаком, однако попасть в компанию сразу четырех таких звезд – это могло смутить. Я бы, наверное, и смутился, да не успел. Меня сразу втянули в общий шутливый разговор, прерываемый смехом, перескакивающий с одного на другое. Языковой барьер был преодолен моментально. Копа и Шнеллингер, которых футбольная судьба заносила в клубы разных стран, объяснялись на нескольких языках. К тому же Копа, в ком течет польская кровь, прилично говорил по-польски и сносно – по-рус-

ски. Он служил за нашим столом переводчиком. Но и без перевода мы довольно легко понимали друг друга. Стоило кому-то обратиться к тебе, назвав какое-то имя, город или дату, как все остальное становилось ясно и так.

Разговоры, однако, вскоре смолкли. Мы принялись за работу. Оказывается, все привезли из дому по сотне открыток, и на каждой должны были стоять автографы всех игроков сборной ФИФА. Пришлось нам долго трудиться, не разгибая спины, прежде чем полный комплект сувениров был готов. Когда я на миг отрывался от дела, чтобы дать отдых затекшей руке, Шнеллингер меня поторапливал:

– Яшин, арбайтен, арбайтен!

Перед обедом Риера предупредил меня:

– Меню и время еды вы можете выбирать себе сами. Ешьте тогда, когда привыкли, то, что привыкли, и в тех количествах, к каким привыкли.

Мне было любопытно узнать, каков режим питания великих футбольного мира сего, и я внимательно следил за соседями по своему и остальным столикам.

Копа, Хенто, Шнеллингер к обеду неизменно заказывали вино. Однажды Риера, видно, прочтя в моем взгляде удивление, сказал:

– Не удивляйтесь. Люди, долго прожившие, а тем более родившиеся и выросшие в таких странах, как Франция или Испания, привыкли к вину, оно им необ-

ходимо для аппетита. Да и пьют-то они, обратите внимание, несколько капель, а остальное – вода.

И точно, у нас наливают в газированную воду немногим меньше сиропа, чем они – в свои стаканы вина. А Риера закончил свое объяснение шуткой:

– Вам брать с них пример не советую. И им – тоже, – он кивнул в сторону столика, где сидели Масопуст, Плускал и Поплухар из Чехословакии. – Такие дозы вас все равно не удовлетворят, а пить «по-славянски» лучше после матча...

Коли французы перед матчем обедают с вином, подумал я, то, может, шотландцы запивают еду своим знаменитым шотландским виски? Нет, Лоу всем крепким напиткам предпочитал молоко, которым с аппетитом запивал все блюда. Кстати, еще в больших количествах и при любой возможности пил молоко Ди Стефано – аргентинец, большую часть жизни проживший в Испании.

При всем разнообразии вкусов и привычек моих товарищей по этой, созданной на два дня интернациональной команде, в отношении к еде всех роднило одно – умеренность. Никаких гарниров, никаких мучных блюд, одна-две ложки супа. Мясо, зелень, соки – то, что хорошо и быстро усваивается, предпочитали все. Видно было: еда для них не развлечение и не гастрономия, а часть спортивного режима, средство поддержания спортивной формы. И за временем принятия пищи

они тоже следят строжайшим образом.

Как-то, во время, кажется, второго нашего совместного обеда, официант поставил на столы корзинки со свежим, аппетитно пахнущим хлебом. Копа взял кусок и сжал в кулаке. Минуту назад такой привлекательный, хлеб превратился в серовато-белый комок, вроде снежка.

– Ох, и хитры англичане, нарочно нам свежий хлеб подсовывают, чтобы мы им проиграли, – сказал, улыбаясь, Копа.

Этот слепленный Копа хлебный шарик я потом, спустя довольно много времени, увидел в Москве. Его привез Бесков. И перед какой-то игрой передал игрокам слова Копы и свое резюме:

– Вот видите, как должен относиться настоящий, уважающий себя футболист к своему питанию.

После того, первого в Лондоне обеда мы собрались в небольшом холле отеля, и Риера официально представил всех друг другу, попросив каждого, о ком говорил, приподняться со своего места, чтобы все могли его, как следует разглядеть. Обряд этот был явно лишним – все знали друг друга и так. Думаю, Риера устроил его не столько для нас, сколько для набившихся в зал репортеров, которые обстреливали каждого поднимавшегося пулеметными очередями из своих фотоаппаратов. В заключение тренер сообщил, что форму и тренировочные костюмы мы найдем у себя в комна-

тах, и попросил, захватив все необходимое, спуститься к автобусу, который отвезет команду на тренировку.

Все поездки по Лондону мы проделали в громадном, роскошном автобусе, который сверкал зеркальными стеклами во всю стену, сопровождаемые почетным эскортом: впереди с воем неслась длинная легковая машина, за ней мотоциклы с полицейскими в снежно-белых мундирах, дальше – наш автобус, а замыкал кавалькаду еще один автомобиль. Сирены на машинах звывали в тот миг, когда автобус трогался, и замолкали при остановках. Прохожие провожали изумленными взглядами эту процессию.

Сами же участники процессии, всемирно известные звезды мирового футбола, вступив в раздевалку, уже ничем не отличались от сотен своих тоже известных и не известных вовсе коллег-футболистов – молодых, здоровых, не знающих, куда девать брызжущую энергию парней. Сразу начинались те же шутки, что и во всех футбольных раздевалках мира – незлобивые, изобретенные нашими футбольными дедушками, не блещущие оригинальностью и, тем не менее, вызывающие громовые раскаты хохота. Кто-то тщетно старался распутать двойной узел на шнурке, кто-то носился по комнате, разыскивая исчезнувшую бутсу, кто-то обнаружил в душевой гетры...

Тренировочное поле знаменитого стадиона «Уэмбли» было усеяно фоторепортерами, которые, как и их

пишущие собратья, приехали на этот матч из многих стран мира, даже из тех, чьи игроки не были приглашены в сборную ФИФА. Не менее двухсот газет, журналов и агентств, не считая английских, командировали своих корреспондентов в Лондон. У меня сохранились фотографии, подаренные мне тогда югославскими и болгарскими репортерами. К сожалению, наших там не было. В огромном пресс-корпусе, аккредитованном на лондонском матче, был единственный наш соотечественник – Николай Озеров, да и тот прибыл за несколько минут до начала игры.

Такое стечение людей, стремящихся зафиксировать каждое твое движение, несколько смутило меня. Сейчас мои ворота будут обстреливать самые меткие из футбольных снайперов. Не оконфузиться бы, не ударить бы лицом в грязь. А то скажут или напишут что-нибудь вроде: «Зачем его пригласили? Неужели лучше вратаря найти не могли?» – и иди потом доказывай, что ты тоже кое-что умеешь. Я уже испытал на себе, что значит опровергать мнение, созданное прессой.

Но все обошлось благополучно. Били форварды действительно хорошо, и это лишь дало мне возможность потренироваться, как следует. Когда раз за разом готовишься поймать мяч, напрягаешь мышцы и нервы и все попусту – мяч летит мимо, – только растрачиваешь зря нервные клетки, и усталость от такой тренировки не сопровождается чувством удовлетворенно-

сти. Так уходил я довольно часто с тренировок дома. А тут что ни удар, то – в ворота. Сразу приходишь в рабочий ритм, а, поймав несколько мячей, за которыми пришлось попрыгать в углы, обретаешь уверенность в себе и хорошее настроение.

На следующий день Риера собрал команду на обязательную перед каждым матчем установку. Я прослушал в своей жизни бесчисленное число таких установок, но более короткой и приятной мне слышать не приходилось.

– Все вы – большие мастера, и ваша главная задача продемонстрировать это во время игры. Именно это от вас требуется, именно этого ждет публика. Но не рассчитывайте на легкую игру. Английская сборная сильна и в день юбилея своего футбола мечтает о победе. Церемониться со звездами она не станет.

Затем он назвал стартовый состав и предупредил о заменах.

– Замены неизбежны, – заключил он. – На матч приехало восемнадцать игроков, и выступить должны, естественно, все до единого.

Поток машин, едущих в сторону «Уэмбли», был так велик, что даже наша кавалькада, сопровождаемая во-ем сирен, пробиралась с трудом, временами застревая в автомобильных пробках. Когда-то я читал, что все места на «Уэмбли» не были проданы ни разу в истории стадиона. Уверен, что на «матче века» с этой

традицией, которой, как и всеми прочими, англичане, вероятно, гордились, было покончено. Стадион, один из самых гигантских в мире, был переполнен.

После многочисленных торжественных процедур, после того, как спустившийся из королевской ложи герцог Эдинбургский – муж английской королевы – пожал руки игрокам обеих команд, началась игра.

Вратарю виднее, как лучше передвигаться игрокам обороны, чтобы перекрывать опасные пути к воротам. И я привык во время матча покрикивать своим защитникам: «Вова, назад!», «Толя, сместись влево!» «Петя, возьми своего!». Как же, думал я, быть здесь, где все мы говорили на разных языках? В игре к услугам переводчика ведь не прибегнешь. Со Шнеллингером мы, правда, договорились заранее кое о чем. Я знал, что означает по-немецки «цурюк», а ему растолковал, что такое «вправо» и «влево», но с остальными-то не договоришься...

Оказалось, не о чем было и договариваться. Футбольным языком – одним для всех – эти удивительные мастера владеют в совершенстве. И понимают друг друга, не произнося при этом вслух ни единого слова.

Никогда – ни до, ни после того матча – я, участвуя в игре, не испытывал подобного чувства полной удовлетворенности, и – если бы не боялся выглядеть излишне восторженным и сентиментальным, сказал бы – блаженства. Когда наша команда переходила в насту-

пление, я превращался в зрителя, следил за полетом мяча и мысленно решал за своих партнеров их задачи. «Вот бы, – думал я, – сейчас левому краю выйти туда-то, а центральному дать ему мяч чуть вперед, на выход». И почти всегда и крайний и центральный словно читали мои мысли и, разумеется, мысли друг друга. Ну, а если случалось, и не слушались моих безгласных советов, а поступали иначе, то я тут же убеждался: нашли более интересное решение, чем-то, какое предлагал мысленно я.

До чего же бережно обращались с мячом и мои партнеры, и мои соперники! Всякая комбинация, даже начавшаяся у собственных ворот, обязательно заканчивалась у ворот противника. И ни одного опрометчивого шага, ни одного ненужного хода, ни одной безадресной передачи. И – полное взаимопонимание и взаимодоверие.

Был в матче такой эпизод. Ди Стефано прибежал на помощь защитникам к нашим воротам и оказался с мячом в штрафной площади в окружении английских игроков. Казалось, единственное спасение – выбить мяч куда-нибудь за пределы поля, иными словами, сделать то, что не в правилах такого мастера, как он. Нет, Ди Стефано не изменил себе и на сей раз. Не глядя в мою сторону, он хладнокровно отбил мяч к воротам, прямо мне в руки. А вдруг меня бы не было в той точке, вдруг я не ожидал бы паса, вдруг я бы немно-

го сместился вправо или влево? Тогда – гол? Но нет, мой партнер не рисковал. Он оценил позицию и понял, что я обязан, если я, верно, понимаю футбол, стоять и ждать мяч именно в той точке, куда он, Ди Стефано, его направил. Он пробил без колебаний и даже не обернулся поглядеть, в моих ли руках мяч. Пробил и пошел к центру, уверенный, что все в порядке.

Выбрасывая мяч в поле, я не отыскивал взглядом, кому бы его отдать – два-три партнера уже занимали исходные позиции. И никому не требовалась ничья подсказка – каждый знал свое место. И мяч все передавали друг другу так, что принимать его было одно удовольствие – ни тянуться за ним, ни менять ритм бега принимающему не приходилось, мяч сам удобно ложился ему на ногу.

Переключались мы только со Шнеллингером. Да и то не по необходимости, а просто так, чтобы подбодрить друг друга. Я кричал: «Шнеллингер, цурюк!», – а он оборачивал ко мне свою рыжеволосую голову, изображал строгую мину и бросал в ответ: «Яшин, арбайтен, арбайтен!»

Как и условлено было заранее, после первого тайма я уступил пост в воротах моему сменщику и соседу по номеру в отеле югославу Шошкичу. Честно признаться, уступил не без огорчения: очень уж хотелось поиграть еще. Кажется, только вошел во вкус – и, пожалуйста, снимай перчатки. Но, ничего не попишешь, пришлось

снимать: другому тоже ведь хочется.

В перерыве я наскоро переоделся и досматривал игру уже со скамейки запасных. А она до самого последнего момента была такой же красивой, элегантной, умной.

Забив во втором тайме два мяча, англичане победили – 2:1. И это тоже было хорошо. Они обыграли составленную из лучших игроков мира команду в день своего национального праздника, на глазах ста с лишним тысяч верных болельщиков, и оттого считали праздник удавшимся на все сто процентов. Англичане изобрели эту прекрасную игру, и они заслужили, чтобы торжество по случаю юбилея их любимого детища не было омрачено ничем.

Когда я, переодевшись, выходил из раздевалки, несколько английских репортеров уже поджидали меня у двери,

– Что вы испытывали в те два мгновения, когда вам удалось спасти ворота от верных голов?

– Ничего особенного. Я и поставлен был в ворота для этого. Если бы пропустил, вот тогда бы наверняка чувствовал себя плохо.

Приехав в гостиницу после игры, я увидел в нашем номере вконец расстроенного Шошкича. Он мучился воспоминаниями о пропущенных мячах.

– Вот ты – «сухой», а я... Из-за меня проиграли!..

– Напрасно ты терзаешься, – пытался я успокоить

своего напарника. – Во-первых, мячи были трудные, их любой бы пропустил. А, главное, праздник у англичан, и пусть они сегодня радуются...

Сам утешал, а сам думал: молодец Шошкич! Какой же это вратарь, если не терзает себя за пропущенный гол? Обязан терзать. Если спокоен – значит, конец: какое бы ни было у него прошлое, будущего у него нет. Уверен, что и нападающий, не забивший гол, тоже должен судить себя строго. Только, к сожалению, нападающие обычно куда снисходительней к себе, чем мы, вратари.

Еще в раздевалке нас опять взяли в оборот журналисты, создавшие невообразимую тесноту и суету в просторном зале, облепившие со всех сторон и засыпавшие градом вопросов каждого из игроков.

Спасаясь от репортеров, футболисты быстро раздевались и убегали в душевую, а там их ждал вместительный бассейн, и скоро его голубая вода запенилась от груды белых, черных, коричневых тел.

Опять заставил всех хохотать неугомонный Шнеллинг. Белотелый настолько, насколько могут быть лишь рыжие, веснушчатые люди, он проводил своей большой пятерней по черному телу Джалмы Сантоса, а затем пристально, с деланным изумлением разглядывал руку: не почернела ли? А в душевой схватил мочалку, намылил ее и стал растирать стонущего от смеха Сантоса: может, побелеет?

Опять было все как всегда и всюду в футбольных раздевалках. Намыленные кидались на только что вышедших из душа и заключали их в свои пенные объятия. Растеревшись досуха полотенцем и сев в кресло, ты вдруг ощущал над собой холодную мокрую губку, чей-то галстук висел под потолком, и никто не понимал, как мог он туда попасть и как его оттуда достать. И все мы чувствовали себя так, словно знакомы тыщу лет и играем вместе давным-давно.

В отеле нас ждал торжественный банкет, быть приглашенным на который считалось за честь не только для известных в футболе людей, но и для видных деятелей в областях, не связанных со спортом. Все на банкете было обставлено пышно и в соответствии с самыми высокими требованиями этики. Достаточно сказать, что появление каждого из нас громогласно возвещалось человеком, одетым в костюм мажордома прошлого века. Впрочем, ни эта, ни прочие церемонии не мешали футболистам чувствовать себя на приеме вполне непринужденно. Я же имел случай убедиться, что мои партнеры по «сборной мира», отличавшиеся до матча спартанским режимом еды и питья, после матча ведут себя в этом отношении куда свободнее.

Следующее утро было утром прощания и разъезда. Для многих из участников того лондонского матча он был последним в их долгой и славной карьере, во всяком случае, – последним на международной арене.

Большой футбольный мир в последний раз увидел на поле аргентинца Ди Стефано, француза Копа, испанца Хенто.

Думал ли я, их сверстник, что близится и мой час? Не думал и не хотел думать. И сам этот матч, и общение с превосходными спортсменами, перед чьим мастерством, кажется, склонило голову само время, помогли мне почувствовать себя молодым и полным сил. Уезжая из Англии, я верил: мне еще играть и играть. И я не ошибся. Прежде чем подарить свои перчатки моему молодому сменщику, уступив ему вместе с ними и место в воротах «Динамо», я еще сыграю сотни матчей – и на первенствах мира, и таких же вот, юбилейных, как этот, в том числе матч, который будет посвящен прощанию с футболом вратаря Льва Яшина. Но это случится еще нескоро...

Время новых надежд

Немного, совсем чуть-чуть, не удалось дотянуть мне до четвертьвекового юбилея – всего двух лет не хватило. Что и говорить, по меркам спортивным стаж не просто большой – огромный. А ведь и начал я не рано: в команде мастеров появился в 20 лет. Из известных мне футболистов дольше задержался на поле, пожалуй, лишь англичанин Стэнли Мэттьюз.

Четверть века в футболе – это несколько поколений. Моими партнерами и в сборной и в московском «Динамо» были не отцы и дети, а дедушки и внуки. Когда правый крайний знаменитого послевоенного «Динамо» Василий Трофимов, будучи в расцвете славы, забивал мне на тренировках голы, другой крайний, впоследствии игравший со мной в «Динамо» и в сборной, – Геннадий Еврюжихин только-только учился ходить.

Мое поколение вышло на поле в те годы, когда советский футбол только начинал вставать на ноги после неудачи на Олимпиаде 1952 года. Мне посчастливилось совершить круг почета на парижском стадионе «Парк де Пренс», когда команда СССР выиграла Кубок Европы 1960 года. Шесть лет спустя, тоже в составе сборной, но уже почти полностью сменившей состав, я

получал бронзовую медаль на первенстве мира 1966 года. Застал я и более печальные времена, времена отступления, когда в течение нескольких сезонов подряд не удавалось нам закрепляться на первых местах ни в европейских первенствах, ни в мировых и олимпийских чемпионатах, ни в клубных континентальных турнирах.

Как изменился рисунок игры за десять лет! Ворота, которые я защищал в пятидесятые годы, атаковали, пять форвардов, а подступы к ним обороняли три защитника. Затем и тех и других стало по четыре. Потом число нападающих уменьшилось до трех, а в некоторых командах – и отнюдь не слабых – до двух. При мне исчезли инсайды и появились «правый» и «левый» центральные защитники. На моих глазах один из крайних форвардов уступил место на поле «опорному» полузащитнику. На моих глазах вместе с тактикой менялась техническая оснастка игры и принципы физической подготовки игроков. Да не перечислишь всех преобразований, какие претерпел футбол за эти бурные четверть века. И удивляться тут нечему: футбол – часть нашей жизни, а мы живем в век стремительный, в век, когда «покой нам только снится».

Но читатель, должно быть, заметил, что я почти не касаюсь в своих записках специальных, чисто футбольных проблем. Естественно, как любой футболист, я не оставался, безразличен к тактическим схемам.

Они отражались на моей игре, заставляли что-то в ней пересматривать, что-то менять, от чего-то отказываться, что-то вносить. Однако я не отношу себя к числу стратегов и теоретиков, а потому не хочу вторгаться в ту область, которая волнует главным образом футбольных эрудитов. И потом, должен честно признаться, при всем моем глубоком уважении к разным теориям игры, к вопросам тактики и методики, отдавая дань их значению в развитии футбола, я все же считаю: в первую очередь футбол – это люди. Сначала – люди, а уж после все остальное. И когда я думаю о наших успехах и неудачах, о победах и поражениях, которые в разное время пережил наш футбол, я вижу за всем этим не пороки или преимущества схем, выражаемых абстрактными величинами 4-2-4 и 4-2-2, а людей, превративших в жизнь эти схемы, вижу моих товарищей по команде. Когда мы были сильны духом, когда верили друг в друга и в себя, когда не хотели мириться с неудачами и отдавать себя на милость фортуны, тогда были победы, медали, круги почета по стадионам столиц крупнейших турниров. Когда же характер нам изменял, когда таяла сила духа, когда внутренне признавали мы чужое превосходство, когда спокойно относились к возможности поражений, тогда и наступали спады.

Я не раз произносил в этих записках слово «судьба». Если на свою личную я пожаловаться не могу, –

она свела меня с футболом и уже тем самым помогла прожить интересную, а потому счастливую жизнь, – то, как у игрока сборной СССР, у меня к ней большой счет. Она не раз вставала на нашем пути и многого из того, что было команде по плечу, сделать нам не удалось.

И все-таки в 1956 году мы стали олимпийскими чемпионами. В 1960-м обладателями Кубка Европы, и в 1966-м – бронзовыми призерами первенства мира. И одерживали верх над сборными ведущих по тем временам футбольных держав мира – ФРГ, Венгрии. Англии, Италии, Югославии. Аргентины... И в самых разнообразных классификационных списках, которые ведут спортивные газеты и журналы многих стран, постоянно находились на первых местах.

Оригинальность тактических построений? Превосходство в технике? Но ни тем, ни другим мы не выделялись среди лучших команд мира. Тогда что же? Я отвечаю на этот вопрос без колебаний:

– Люди!

Я рассказывал о своих друзьях и партнерах по мельбурнской Олимпиаде и по первому для нашего футбола чемпионату мира – шведскому. А их ближайшие преемники принесли нашему футболу первую в его истории большую победу в соревновании с участием сильнейших профессионалов Старого света – Кубок Европы.

Об этом поколении еще будет написано немало, но

вот общая для лучших его представителей черта: они – Игорь Нетто, Валентин Иванов, Гиви Чохели, Валентин Бубукин, Анатолий Исаев – заняли заметное место в нашем тренерском цехе да и вообще в футбольной жизни страны. А Виктор Понедельник – наш центральный нападающий; футболист тонкий, умный, ищущий, стал крупным футбольным журналистом и занял пост «футбольного президента» республики.

И это не случайное совпадение. Они и в молодости умели относиться к футболу, как к делу своей жизни, и готовились к тому, чтобы связать себя с футболом навсегда.

Конечно, были и потери. Убежден, что недосчитались мы полезнейшего в футболе человека – Валерия Воронина, из которого мог бы вырасти большой тренер. Все предвещало ему такое будущее – глубокое понимание игры, ум, такт и, само собою, высочайшее мастерство игрока. Но, видно, мало владеть качествами, которые выделяют человека на футбольном поле. Футбол так устроен, что ставит своих избранных в исключительное положение: их портреты не сходят со страниц газет, о них пишут хвалебные оды. И это испытание славой иногда оказывается роковым: человек начинает быть снисходителен к своим слабостям и гибнет как спортсмен.

Не один Воронин его не выдержал. Чуть раньше это случилось с Эдуардом Стрельцовым, чуть позже – с

Игорем Численко, чей опытяркого, ни на кого не похожего, самобытного игрока тоже бы пригодился нашему сегодняшнему футболу.

Да, потери есть, но типичной для времен начала шестидесятых годов мне представляется судьба тех, кого я перечислял вначале. И вот что, мне кажется, важно: к середине семидесятых они, герои прошлого десятилетия, созрели и набрали силу на тренерском поприще. И это, помимо прочего, вселяет в меня надежду на то, что скоро прядут к нашему футболу хорошие времена.

Между парижским «Парк де Пренс» и лондонским «Уэмбли» – дистанция длиной в шесть лет. На английском чемпионате мы были в одном шаге от финала. Мы и сделали бы, не сомневаюсь, этот шаг, если б нам не помешала судейская несправедливость. У себя в групповом турнире мы обыграли всех, в том числе и итальянцев, фаворитов чемпионата, команду, в которой были такие знаменитости, как Факетти, Мацола, Ривера. В четвертьфинале – победа над венгерской сборной, тоже фаворитом, чью линию атаки возглавляли Альберт и Вене. В полуфинале мы встретились с командой ФРГ. Судьба этого матча решилась так. В середине игры немецкий полузащитник запрещенным приемом сбил с ног Игоря Численко, отобрал у него мяч и отправил его в нашу штрафную площадь, после чего он и был забит в мои ворота. Обескураженный случившимся, Численко дал волю гневу и, вскочив на ноги,

ответил обидчику ударом на удар. На поступок немецкого футболиста судья не реагировал, нашего же удалил с поля. Я не оправдываю Численко – его несдержанность обошлась нам дорогой ценой. Но и понять его, вспыхнувшего от несправедливости, тоже можно. Так или иначе, мы остались вдесятером и не сумели сравнять счет.

Но до полуфинала-то мы дошли! И бронзовые медали завоевали! И, главное, ни в одной игре – проигранной ли, выигранной – ни в чем не уступали соперникам, в том числе и тем, кто в итоговой таблице встал выше нас.

За шесть лет, что пролегли между Парижем и Лондоном, наша сборная обновилась почти полностью. Из «парижан» осталось всего двое – Слава Метревели да я.

Что же роднило, что объединяло представителей «новой волны», во всем очень разных, во всем так непохожих друг на друга? Что добавили они к тому, что знали и умели их предшественники? А может, что-то и потеряли из полученного наследства?

Да нет, не потеряли. Они сохранили и твердость духа своих наследователей, и умение не пасовать перед трудностями, и принесенную теми в футбол общую культуру. Ушли же они вперед, на мой взгляд, по своей, я бы сказал, чисто футбольной, специальной эрудиции.

На английском чемпионате мы имели команду хорошо подобранных, гармонично развитых мастеров. Такими были и наш капитан Альберт Шестернев, и «старичок» Метревели, и игроки помоложе – Воронин, Численко, Сабо, Маркаров, Хусаинов, Банишевский, Хурцилава. Их можно было без натяжки приравнять к профессионалам самого высокого класса. А потом мы вступили в полосу неудач, хотя, казалось, ничего не предвещало невзгод нашему футболу. На европейской и на мировой арене мы не так, быть может, резво, как хотелось бы, но все же поднимались вверх со ступени на ступень. Шла обычной чередой и наша внутренняя футбольная жизнь – футбол рос вширь, вовлекая в свою орбиту новые области и города, расширяя до невиданных прежде размеров класс «А», увеличивая число детских и юношеских команд.

Мы шли вперед и, тем не менее, не приближались к тем, кто был впереди нас по мастерству, – к сборным Бразилии, ФРГ, Англии. Наоборот, мы не удержались даже на той дистанции, что нас отделяла от них. И нас стали обходить еще недавно державшиеся от нас на почтительном отдалении команды. И мы вдруг увидели, что сборные Польши, Голландии, ГДР, Югославии играют в более современный футбол, чем мы и что выбор игроков у них больший, чем у нас. И техника выше. И в атлетической подготовленности, которая почиталась всегда нашим традиционным достоинством, они

нас, по крайней мере, догнали.

Как же так: «все шло», «все катилось» – и вдруг? В том-то и беда, что все шло, все катилось само собой, не направляемое толковым, знающим руководством. Если же и были кое-какие реформы, то предлагались и осуществлялись они людьми, знающими футбол поверхностно.

И вот класс «А» разросся у нас до гигантских размеров – в нем около полутора сотен команд, а игроков, чтобы укомплектовать хоть половину из них, нет. И неоперившиеся птенцы, сделавшие первые свои шаги в известных клубах, не хотят серьезно совершенствоваться дальше. Зачем утруждать себя изнурительным тренингом, если в одной из новых команд им обеспечено уютное и нехлопотное существование?

Естественно, ходатаи, ратовавшие за новые команды, исходили из благих побуждений. Да и те, кто шел им навстречу, то же: вроде бы больше команд – сильней футбол. А он сильней не стал, он лишь разведен пожиже. Не видел я среди команд-новичков действительно классных или хотя бы многообещающих. Провластвуют новые команды вольными или невольными подачками, которые перепадают им из старых футбольных центров. А вот ведущие клубы от этого пострадали. Никто не станет ведь спорить, что на долгие годы потускнела и во многом нивелировалась игра таких команд, как московское и тбилисское «Динамо»,

«Спартак» и «Торпедо», «Нефтчи» и «Крылья Советов», которые только теперь, после многолетнего упадка, – да и то не все! – начинают вновь приобретать свое лицо. А сколько лет потеряно!

Последним для меня чемпионатом мира был мексиканский, 1970 года. Последним и самым грустным. Потому, конечно, и самым грустным, что последним. А что последний, не мог я не понимать: к следующему мне должно было исполниться сорок пять. Я и в Мексику приехал уже не совсем в привычной для себя роли запасного вратаря и мог выйти на поле лишь, в крайнем случае.

И это тоже был повод для грусти. Два с лишним десятилетия, проведенные в футбольных воротах родной моей динамовской команды, и полтора – в воротах сборной, не утолили моего аппетита к игре. Моя хлопотная должность мне не приелась. Если бы не непреодолимая в спорте возрастная преграда, я, вероятно, так никогда бы добровольно и не подал в отставку. Но годы есть годы. И вот в Мексике я уже запасной. А любой футболист знает, какая это неблагодарная обязанность – быть запасным.

Но главным источником плохого настроения было то, что играли мы в Мексике неважно. Хотя турнирный жребий не был к нам суров. Ни один из трех наших партнеров по группе – Мексика, Бельгия, Сальвадор – в то время не относился к числу претендентов на вы-

сокие места в чемпионате. Да и никогда в послевоенном футболе сборные этих стран не стояли на одной доске с нашей. Но мы играли на этом чемпионате как-то вымученно, блекло и хоть пробились в муках в четвертьфинал, там бесславно выбыли из борьбы.

Самый старший в команде и по возрасту и по стажу, я невольно сравнивал эту «мексиканскую» команду с тремя ее предшественницами, теми, что играли в Швеции, Чили и Англии.

В Мексике нашим партнером по четвертьфиналу стала команда Уругвая. Восемь лет назад, в Арике, мы тоже, правда, еще в групповом турнире, встречались с уругвайцами. И не слабей они были теперешних. И не меньше рвались к победе. Но мы выиграли в Чили у злого, жестокого, стоящего у края пропасти противника.

В Мексике основное время игры закончились 0:0. А в добавочное, когда уругвайцы атаковали по левому краю и мяч, как нашим показалось, пересек лицевую линию, защитники остановились как вкопанные. И они и вратарь. А свистка не последовало. То ли судьи не заметили, что мяч выкатился за пределы поля, то ли всем нам это только почудилось, но свисток безмолвствовал, и уругвайцы, не теряя времени даром, воспользовавшись замешательством в наших рядах, подхватили мяч, подали его в нашу штрафную площадь, а оттуда направили в ворота. Счет стал 0:1. И от этой то

ли мнимой, то ли действительной несправедливости наша команда так до конца матча и не оправилась. Ничего мы не сделали, чтобы переломить ход игры, вдохнуть в нее жизнь. Не сумели наши подбодрить друг друга, никто не увлек за собою остальных.

Да, не нашлось в Мехико бойца, человека с характером Никиты Симоняна или Игоря Нетто, или Валентина Иванова, или Иосифа Сабо.

...Как-то, уже после возвращения из Мексики, на каком-то спортивном вечере мне пришлось отвечать на вопросы болельщиков. Был среди них и такой:

– Долго ли вы собираетесь играть?

Я ответил:

– Рад бы – всегда, но думаю, что буду играть до тех пор, пока нужен родному «Динамо»...

А вскоре у нас в команде появился приехавший из Днепропетровска Володя Пильгуй – стройный, тоненький парнишка, которому трудно было дать и его девятнадцать лет. Понятно, я стал внимательно приглядываться к игре моего юного дублера. Мне не потребовалось много времени, чтобы оценить его возможности. Быстрый, сметливый, прыгучий, обладающий мгновенной реакцией, отлично координированный, он подавал большие надежды. Естественно, ему многого пока не хватало: умения выбрать позицию в воротах, понимания, когда нужно сыграть на выходе, а когда остаться на месте, навыка руководить защитниками. Но он до-

волью легко усваивал тонкости игры, — сама игра учила, и собственная старательность помогала, да и я, памятуя, сколько возился со мною в свое время Алексей Петрович Хомич, как мог, передавал Володе то, что накопил за долгие годы вратарской практики. Мы тренировались вместе, и когда пришел день моего прощального матча, в котором я защищал цвета родного клуба против сборной ФИФА, я в начале второго тайма уступил свой пост в воротах Володе Пильгую, уверенный, что пост этот попал в хорошие руки.

В минуты прощания, которым неизбежно сопутствует чувство грусти, главным все же было не оно, а чувство благодарности футболу, сделавшему мою жизнь счастливой и яркой, наполнившему ее незабываемыми событиями, соединившему меня с людьми, общение с которыми помогло мне, рабочему парню, рано оставившему школу, получить уже взрослым человеком среднее, а затем и высшее образование в Высшей партийной школе.

Конечно же, футбол я не оставил и, думаю, не оставлю никогда. И московское «Динамо» не оставил, Я работаю в своем клубе и по характеру работы непосредственно связан с футбольной жизнью «Динамо».

...Как всегда, динамовский автобус привозит команду на матч, и мы торопливо, минуя толпу любопытных, проходим в раздевалку. Обычная предигровая суэта. Те же старые, как мир, незлобивые подшучивания друг

над другом, те же последние тренерские напутствия. Все, как всегда. Все, да не все...

Одиннадцать человек выбегут на травяной газон, окаймленный людским морем, и в течение девяноста прекрасных минут будут своей игрой вызывать радость, огорчение, овации, свист, счастливые и разочарованные вздохи трибун. А мне не надо спускаться в туннель, ведущий на поле. Я поднимусь в динамовскую ложу и окажусь по другую сторону футбольной сцены, не среди действующих лиц, а среди зрителей. И буду, как все, радоваться, огорчаться, вздыхать... Иная жизнь!..

Понятно, моя радость – удачи «Динамо», мои огорчения – его поражения. Как каждый болельщик, я пристрастен. Но не только к «Динамо». Еще я пристрастен к вратарям. На месте каждого из них вижу себя. Мысленно бросаюсь в углы ворот, команду партнеров, выхожу на перехват мячей и даже – не смейтесь – достаю мячи из сетки.

Однако и здесь у меня больше поводов для радости, чем для печали. Всякие времена знавал наш футбол. Но хорошими вратарями не был беден никогда. Как зритель, я застал в воротах Вячеслава Жмелькова и Алексея Леонтьева. Когда я только начинал, еще играли Анатолий Акимов, Владимир Никаноров, Леонид Иванов. Мой учитель – легендарный Алексей Хомич. Будучи уже зрелым вратарем, я всегда был уве-

рен в абсолютной надежности своих партнеров и коллег. Сперва это были Олег Макаров и Борис Разинский, потом – мой одноклубник Владимир Беляев, позже – Владимир Маслаченко, Сергей Котрикадзе, Виктор Банников, Анзор Кавазашвили. Их я знал хорошо. Разные они люди, разной была степень нашей близости. Но в чем-то и похожие. Каждый человек – кремень. Слово сам футбол отбирал на пост в воротах людей прочного, надежного характера.

Теперь я слежу за вратарями с трибуны. Им, думаю, никак не легче, чем было нам. Пожалуй, даже трудней. Теперь и атакуют и обороняются большими силами, в штрафной площади, как правило, скапливаются по полтора десятка игроков. Мяч мечется на пятачке в несколько квадратных метров, прочерчивая линии ломаные и замысловатые. Порою, кажется, что линии эти не соответствуют логике игры. И надо хорошо понимать игру, уметь держать себя в руках, чтобы в этой обстановке сохранять ясную голову, не дрогнуть, не попасться на удочку ложного выпада и выбрать единственную позицию и единственное решение. Усложняется футбольная тактика, универсальнее становятся футболисты, и усложняются функции вратаря.

Считается, что футбол, как и спорт вообще, молодеет. Если и верно это утверждение, то к вратарям оно не относится в той же мере, что к остальным игрокам команды. Нынешний футбол требует от вратарей, как

никогда раньше, глубокого понимания игры, а это приходит лишь с годами, с большой практикой. И меня совсем не удивляет, что после ухода нашего поколения во главе вратарской школы встал не кто-нибудь, а самый старший из действующих вратарей – Евгений Рудаков. И что он созрел полностью, как мастер, к тридцати примерно годам. И что после тридцати не потускнела его игра, а стала богаче, глубже содержанием, надежней, мудрее. Меня не удивляет и то, что минувший сезон был лучшим в жизни Владимира Астаповского, подошедшего к тридцатилетнему рубежу. И я уверен, лучшие гады одаренных и сравнительно молодых еще Александра Прохорова, Владимира Пильгуйа, Николая Гонтаря впереди.

...Последние страницы этой главы я дописываю в разгар футбольного лета 1976 года, того самого, от которого мы ждали так много. Еще прошлой осенью сборная СССР порадовала великолепными победами над командами Италии, Ирландии, Турции, Швейцарии, а киевское «Динамо» стало обладателем Кубка кубков и в матче за «Суперкубок» победило мюнхенскую «Баварию». В нашем футболе появился лидер, и этим я объясняю проблески яркой, нешаблонной игры, которые были заметны у таких команд, как московское «Динамо», «Торпедо», «Шахтер».

Жаль, что наши надежды оказались преждевременными. Но ростки-то появились! Значит, советский фут-

бол вновь доказал свою силу, свою жизнеспособность. Остальное зависит от нашего умения рачительно вести большое футбольное хозяйство. Верю: лучшие дни нашего футбола не за горами!

Литературная запись Евгения Рубина.